

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕЧАТЬ ЦАРЯ-ДРАКОНА

ПЕЧАТИ НЕБЕСНОЙ КРОВИ

— КНИГА 10 —

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

18+

Виктор Алеветдинов

**Последняя печать царя-дракона.
Печати Небесной крови. Книга 10**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Последняя печать царя-дракона. Печати Небесной крови. Книга 10
/ В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Небесный трибунал вынес решение — и разбудил того, кого веками удерживали человеческие печати. Царь-дракон Ао Хэйлинь поднимается из Амура и предъявляет долг по Первому договору: вернуть землю, имена и кровь. На исполнение — сто двадцать восходов. Потом древние покинут защитные узлы, и крепости останутся без защиты. Глеб Воронеж, ломающий печати ценой памяти, и Ли Шэньюэ, переписывающая их ценой собственного тела, становятся ответственными свидетелями. Им предстоит пройти через распадающиеся союзы, войну людей и древних и архив, где их судьбы были назначены заранее. Последний хранитель предлагает быстрое спасение: превратить Глеба и Ли в живую печать и вернуть миру порядок — вместе с наследственным подчинением. Можно ли спасти тысячи, не отняв у них право отказаться? И какую цену герои вправе заплатить только за себя? «Последняя печать царя-дракона» — финал историко-мистической саги о свободе, долге и цене безопасного порядка.

Содержание

Часть I. Долг дракона	5
Глава 1. Решение падает в Амур	5
Глава 2. Реестр на чешуе	10
Глава 3. Ворота для всех	14
Глава 4. Три вида возврата	19
Глава 5. Свидетель выбирается	24
Глава 6. Четыре старых спасения	29
Глава 7. Не должники	33
Часть II. Война прежних правд	37
Глава 8. Дорога без общей границы	37
Глава 9. Имя, выбравшее сторону	42
Глава 10. Оружие мира	47
Глава 11. Солдаты с правом умереть	52
Глава 12. Список до преступления	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Алеветдинов

Последняя печать царя-дракона. Печати Небесной крови. Книга 10

Часть I. Долг дракона

Глава 1. Решение падает в Амур

Караульный список забыл первого человека у Глеба на глазах. Строка с именем Петра Ломакина побледнела, чернила собрались в каплю и стекли по доске. В тот же миг нижние ворота дёрнулись и прижали караульного к столбу. Глеб сунул топориче между створкой и косяком.

- Назовись.
- Пётр Ломакин. Третий год служу.
- Ворота с тобой не согласны.
- Пусть жалобу подадут.

Глеб отжал створку на ладонь. Пётр выскользнул наружу, а писарь повторно вывел его имя. Строка вновь расплылась.

Снизу донёлся треск. Берег осел возле пристани, два дома накренились к воде. Между крышами шла белая полоса пограничной печати. Раньше она отделяла жителей от военных грузов и не пропускала древних. После решения Небесного трибунала знак сохранился, но перестал понимать, кого обязан защищать.

Мешок с мукой прошёл через полосу. Женщина с ребёнком ударилась о неё плечом и упала в грязь.

Глеб сбежал по откосу. Солдаты тянули вверх телегу, лошадь лежала в постромках и била копытом по настилу. Вода под пристанью толкала сваи. Первый лёд полез на берег.

- Телегу бросить. Лошадь выпрячь. Людей вести по двое.
- Сотник Данила Рубежный придержал ворот.
- Там мука.
- Колесо ушло в щель. С телегой погибнем раньше.

Глеб перерубил ремень. Лошадь дёрнулась, поднялась и едва не сбила его грудью. Данила отвёл её к стене. Настил под телегой лопнул, мешки ушли под воду.

- Убедил, — сказал сотник. — Очень хозяйственно.
- Остальные спасёшь и похвалишь.

Белая полоса снова оттолкнула женщину. Глеб прижал ладонь к знаку и почувствовал два приказа. Один задерживал всякого, кого не было в посадском реестре. Второй запрещал мешать жителям крепости. Пока список хранил имена, условия не противоречили друг другу. Теперь печать превращала своих в чужих.

Он мог принять приказы в кровь и разорвать узел. Пальцы отозвались холодом. За ним ждала память, которую печать выбрала бы платой.

- Не ломай, — сказала Ли.

Она спускалась по откосу, придерживая повреждённую правую руку левой. На рукаве темнела кровь.

- Через минуту знак закроет подъём, — ответил Глеб.
- После разрыва береговой круг потеряет опору.

— А без разрыва здесь утонут люди.

Ли опустила перед полосой и коснулась её двумя пальцами. Белый след разделился на строки.

— Список исчезает первым. Правило ещё держится. Дай ему живого свидетеля.

Глеб обернулся.

— Пётр, сюда.

— Я только из двери выбрался.

— Значит, умеешь.

Караульный спустился и проворчал, что прежде служба была понятнее: враг стоял снаружи, начальство — внутри, и оба помнили его имя. Ли велела ему положить ладонь на знак и назвать женщину жительницей посада.

— Акси́нья Третьякова, — сказал Пётр. — Муж погиб весной.

Полоса ослабла. Акси́нья прошла с ребёнком.

Глеб велел назвать следующего. Пётр ответил, что не знает весь посад, однако всё же нашёл старого плотника.

— Семён Кривой. Денег должен.

— Долг к воротам отношения не имеет, — сказала Ли.

— Хорошие ворота были бы другого мнения.

Семён прошёл. За ним пропустили ещё пятерых, но людей оставалось много. Пётр начал путаться. Беженцев не внесли в реестр, а детей канцелярия записывала медленнее, чем они росли.

Глеб поднялся к вороту. Канат намок и распушился. Солдаты крутили рукояти, вытягивая сани с ранеными.

Он велел протянуть запасной канат вдоль спуска и опустить сани за людьми. Данила спросил о муке.

— Если умеет держаться за канат, пусть идёт следом.

Сотник усмехнулся и сам повёл первые сани. Часть гарнизона подчинилась ему. У стены остались стрелки коменданта с фитильными ружьями. Из раскрытого берегового узла вышли трое.

Впереди шла высокая женщина в сером платье. За ней двигались два существа с человеческими лицами и руками, покрытыми короткими перьями. Один нёс раненого мальчика из посада. Стрелки подняли ружья.

— Огонь по тварям! — крикнул комендант.

Глеб ударил снизу по ближайшему стволу. Выстрел ушёл в воздух, порох обжёг солдату щеку.

— Ещё раз поднимешь ружьё — будешь заряжать зубами.

— Приказ коменданта!

— Мальчика видишь?

Солдат увидел кровь на чужом плече и опустил оружие. Комендант Фёдор Пахомов спустился на несколько ступеней.

— Они вышли из запрещённого узла. Крепость обязана их уничтожить.

— Узел больше не запрещён.

— Значит, тем более опасен.

Серая женщина остановилась перед белой полосой.

— Эта крепость стоит на земле, взятой без согласия, — сказала она по-русски. — Ваше право кончилось.

— Наши дома падают в реку, — ответил Глеб. — Право обсудим выше.

— Мы не признаём ваших ворот.

— Они сегодня тоже мало кого признают.

Ли подошла ближе.

— Юнь-Су.

Глеб помнил её по монастырю.

— Мальчик жив? — спросила Ли.

— Пока его не назначили платой за вашу защиту.

Глеб протянул руки.

— Я отнесу его к лекарю.

Пернатое существо не двигалось.

— Наш лекарь сначала смотрит рану, — добавил Глеб. — Имя спросит потом.

Юнь-Су произнесла короткую фразу на своём языке. Мальчика передали Глебу. Пахомов поднял руку.

— Стрелкам держать цель.

Данила встал рядом с Глебом.

— Фёдор Матвеевич, если начнём бой здесь, первой пулей порвут канат. Посад утонет по нашему приказу.

— Ты тоже решил служить тварям?

— Я решил не служить дураку. Остальное обсудим после эвакуации.

Пахомов побагровел, но приказа стрелять не отдал. Это дало несколько минут. За это время провели раненых, вывели лошадей и подняли ещё два десятка жителей.

Древние помогали толкать сани, но белая полоса не пропускала их. Печать не знала, считать их врагами или грузом, и удерживала на месте.

Ли положила левую ладонь на знак. Пальцы правой руки подрагивали.

— Не трогай узел, — сказала она Глебу. — Здесь четыре связанных условия. Разорвёшь одно — камень под пристанью откроет воду.

— А если не трону?

— Откроет позже.

— Богатый выбор.

— Выбери время.

В посаде оставалось около тридцати человек. Два дома возле склада опустились на нижний венец. Прямой подъём скоро исчез бы.

— Ведём всех через склад, — решил Глеб.

— Там стена.

— Это ненадолго.

Он сбежал к амбару и ударил топором в нижнее бревно рядом с дверью. Дерево было сырым, но старым. Второй удар раскрыл паз. Солдаты принесли лом и выбили ещё два бревна. За стеной шёл двор, откуда к верхним воротам поднималась каменная лестница.

— Склад держит настил, — предупредил солдат.

— Ломаем только речную стену.

— Она скоро вся будет речной.

— Убедительно. Работай.

Люди вошли в амбар. Глеб велел брать лишь то, что не мешало идти. Старик взвалил мешок муки, а мальчишка прижал к животу вяленого осетра почти с себя ростом.

Глеб велел бросить рыбу. Мальчишка возразил, что она лёгкая.

— Тогда не падай. Рыба пойдёт вместо тебя.

Мальчишка крепче обхватил осетра и побежал к лестнице.

Земля вздрогнула. Камень берегового узла раскололся, между половинами показалась чёрная вода. Она поднялась у берега отвесной массой и двинулась к посаду, сминая сваи.

— В амбар! Все в амбар!

Люди бросились к проёму. Сани на прямом подъёме перевернуло, канат лопнул. Пётр обхватил столб. Аксинью с ребёнком потащило вниз.

Глеб прыгнул с настила, ухватил её за ворот и ударился плечом о сваю. Вода дошла до пояса. Данила схватил Глеба за ремень и потянул обоих к складу.

— Ты тяжёлый, — прохрипел сотник.

Глеб велел тащить женщину, но Данила не отпустил его.

— Потом объяснишь, как я должен был выбрать.

Они добрались до пролома. Вода ударила в стену амбара, верхние брёвна сдвинулись.

Ли стояла во дворе перед лестницей. Солдаты положили перед ней разбитые сани. Она связала полозья обрывками каната и провела по дереву окровавленным пальцем левой руки.

— Свидетели!

Пётр и Данила откликнулись. Юнь-Су шагнула третьей.

— Вода не пересекает эту линию, пока проходят жители и те, кто несёт раненых, — произнесла Ли. — Цена — склад и всё, что останется ниже полозьев. Подтверждаете?

— Подтверждаю, — сказал Пётр.

— Подтверждаю, — повторил Данила.

Юнь-Су посмотрела на древних у стены.

— Они входят в условие?

— Если идут без оружия и помогают живым.

— Подтверждаю.

Кровь на полозьях потемнела. Вода ворвалась в амбар, подняла бочки и дошла до саней. У саней её край остановился. Верёвки врезались в дерево, у Ли свело правую руку, но линия держалась.

Жители двинулись по лестнице. Древние подхватили раненых. Юнь-Су несла девочку, потерявшую сапог. Солдаты передавали детей через пролом и возвращались за стариками.

Глеб остался в амбаре последним. У дальней стены лежали шесть мешков. Два можно было спасти.

— Глеб, — позвала Ли.

Он вышел за линию. Ли отступила следом, Юнь-Су сняла с полозьев костяную заколку, которой закрепила верёвку. Свидетельство прекратилось.

Вода смяла сани и ударила в лестницу, но люди были выше. Амбар развернуло к реке. Мешки лопнули, мука разошлась по чёрной воде.

Нижний посад исчезал без торжественности. Печь провалилась в пол, забор лёг между домами, пристань ушла вместе с последней лодкой. Глеб смотрел, пока не убедился, что на крышах никого не осталось.

— Сколько потеряли? — спросил он.

Данила вытер лицо рукавом.

— Людей не потеряли. Пристань, лодки и муку считай сам, если любишь плохие числа.

— Подкрепление вниз не отправим, — сказал Пахомов.

— И хлеб оттуда не получим, — добавил Данила.

Комендант повернулся к Глебу.

— Ты отдал посад без моего приказа.

— Ваш приказ утонул вместе со списком.

— Я отстраню тебя от ворот.

— Они меня и так не любят.

Пахомов положил ладонь на саблю, но люди смотрели на спасённых и на древних, стоявших рядом с солдатами. Приказ о стрельбе слышали все. Отмены не слышал никто.

Ли подошла к Глебу. Правая рука больше не дрожала, потому что пальцы почти не двигались.

— Болит? — спросил он.

— Да.

— Ты назвала цену до решения.

— Я назвала цену печати. Ты снова собирался остаться в амбаре.

— Там была мука.

— Разумеется. Ты всегда рискуешь жизнью ради самого убедительного мешка.

— В этот раз мешок проиграл.

— Запомни редкое чувство.

Над Амуром потемнело. Тень двигалась против ветра. Вода у берега успокоилась, обломки перестали биться о сваи.

Из середины реки поднялась голова, покрытая чёрной чешуёй. За ней показалась длинная шея. Ао Хэйлинь поднимался медленно, пока его глаза не оказались на высоте стены.

На чешуе проступали строки.

Глеб увидел русские имена, китайские знаки, степные метки и даты. Рядом стояли названия крепостей и число людей, назначенных платой за сохранение каждого узла. Одна чешуя несла решение, которое Глеб видел сожжённым много лет назад. На другой значилось имя ребёнка и возраст — семь зим.

Ли подошла к краю откоса. Юнь-Су встала рядом, но не склонилась. Пахомов приказал зарядить ружья. Стрелки не пошевелились.

Ао Хэйлинь посмотрел на разрушенный посад, затем на людей и древних у ворот.

— Решение вашего Трибунала принято.

Слова отозвались в воде, в камнях стены и в мокрой караульной доске. Исчезнувшие строки на ней проявились вновь. Рядом с каждым именем стояла цена, которую человек не соглашался платить.

Царь-дракон повернул бок, открывая первую запись.

— Человеческая сторона признана должником по Первому договору.

Остатки пограничной печати стянулись вокруг крепости. Теперь знак видел жителей, солдат и древних одинаково — как тех, кому предстояло услышать требование.

Ао Хэйлинь начал читать:

— Вернуть землю. Вернуть имена. Вернуть кровь.

Глава 2. Реестр на чешуе

Через час вода у пристани стала ниже, но берег продолжал осыпаться. Ли стояла на полосе молодого льда, привязанной к сваям двумя канатами. Под ногами темнела вода. Лёд выдерживал стол и несколько человек, однако при каждом движении отзывался треском.

Переговорный круг собрали из того, что не унесло течением. На стол положили уцелевший судебный акт, прижали камнем и накрыли промасленной тканью. Чернила всё равно расплывались по краям. Рядом лежала кисть-клинок Ли. Древко треснуло у зажима, а правая рука не удерживала его без ремня.

Ао Хэйлинь оставался в реке. Над водой поднимались голова и часть шеи. Строки на чешуе переходили с одной пластины на другую. Ли узнала руку клана раньше, чем прочитала смысл. Боль прошла от ладони до плеча.

Глеб заметил, как она прижала локоть к боку.

— Сколько времени у тебя есть?

— Пока пальцы слушаются.

— Это не время.

— Для моей руки точнее не получится.

Он подвинул к ней чашку с горячей водой и остался за левым плечом. Комендант Пахомов сел напротив. От имперского посольства пришёл чиновник с переводчиком Чжао Жэнем. Третью сторону представлял старший степных торговых дворов. Его люди потеряли в посадке склад и теперь держались у каната, словно русские могли отвязать лёд вместе с переговорами.

— Начинайте, пока площадка не ушла вниз по Амуру, — сказал Пахомов.

— Она уйдёт после вас, — ответил Глеб.

Ли сняла ткань с судебного акта. Бумага пережила Трибунал и затопление, но могла погибнуть от мокрых пальцев.

Она попросила Ао Хэйлиня повторить первую строку. Царь-дракон повернул голову, и на ближайшей чешуе выступили знаки Первого договора.

— Человеческая сторона возвращает удержанное право земли.

Чжао Жэнь перевёл требование как уплату земельной дани. Ли остановила его сразу. Переводчик сослался на старое значение знака. Она раскрыла судебный акт и поставила ноготь под нужной строкой.

— Вы передали смысл так, чтобы власти сохранили землю. Здесь нет слова «уплачивает».

— Старый знак означает дань.

— Только когда вещь принадлежит получателю. Здесь названо право, которое одна сторона удержала у другой. Его возвращают, а не оплачивают.

Имперский чиновник спросил, что изменится на деле. При дани крепость сохранила бы власть и отдала часть дохода. Возврат означал другое: землю, занятую без согласия, пришлось бы освободить. Пахомов тут же заявил, что стен не отдаст. Так все услышали, о чём шёл спор.

Лёд качнулся. Степной старший схватился за канат. Глеб посмотрел к берегу и сообщил, что Пётр перетянул левую верёвку. Пахомов приказал ослабить её, потому что переговоры не должны висеть набок.

— Он старается, — сказал Глеб. — У нас сегодня всё старается.

Ли дождалась, пока лёд успокоился. Она велела Чжао перевести строку заново, затем заставила каждого представителя повторить смысл своими словами.

Пахомов признал, что крепость обязана освободить землю, если узел поставлен без согласия жителей. Имперский чиновник подтвердил необходимость проверить основания владения. Степной старший сказал проще: хозяин дороги должен получить согласие владельца земли или уйти.

— Первая строка прочитана одинаково? — спросила Ли.

— Достаточно близко, — ответил Ао Хэйлинь. — Спор о доказательствах допускается. Подмена возврата данью — нет.

На следующей чешуе проступила вторая строка. В судебной копии половина знаков исчезла, но сохранилась приписка писца: названный существует для закона, пока имя принято обеими сторонами.

Дракон потребовал вернуть разумным древним имена, изъятые из общего свидетельства. Чжао снова смягчил смысл и назвал имена наименованиями существ. Юнь-Су, стоявшая у берега, подняла голову.

— Наименования дают скоту и оружию.

— Переведите слово «имя» как имя, — сказала Ли.

Переводчик возразил, что такая запись создаст право на суд и свидетельство. Ли ответила, что ради этого слово и сохранили в договоре. Имперский чиновник после короткой паузы велел Чжао исправиться.

Пахомов потребовал объяснить, получит ли любой древний человеческое имя и место в крепости. Ли указала на ошибку: имя не превращало древнего в человека, зато не позволяло провести разумное существо по ведомости как груз. За нападение следовало судить поступок, а не вид.

Комендант посмотрел на Юнь-Су и напомнил о погибших людях. Ли не стала оправдывать древнюю посланницу. Она сказала, что Юнь-Су тоже должна отвечать перед судом, где её имя будет признано. Юнь-Су не поблагодарила, и Ли была ей признательна. Благодарность превратила бы равный спор в милость.

Представители повторили второе требование. Степной старший спросил, отменит ли возвращённое имя старый долг. Ао Хэйлинь ответил, что имя возвращает право отвечать за собственные решения, но не стирает вред.

— Незнание наших имён не освобождает вас. Моё незнание ваших приказов также не освобождает меня.

Дракон не предлагал оправдания ни одной стороне. Это осложняло спор, но делало его настоящим.

Третья запись открылась у основания шеи. Правая рука Ли дёрнулась, и зажим кисти ударил по столу. Глеб придержал древко. Он велел ей работать левой рукой, но родовой почерк не подчинился бы левой ладони.

Раньше Глеб уже коснулся бы знака и решил проблему телом. Теперь он удерживал кисть, но не тянулся к печати.

— Ещё одна строка, — сказала Ли.

— Сначала цена.

— Боль усилится. Может начаться тремор.

— Это цена чтения или упрямства?

— Сегодня они работают вместе.

Глеб отпустил кисть. Ли приложила правую ладонь к судебному акту. Чешуя дракона ответила жжением. Ао Хэйлинь прочёл требование: человеческая сторона прекращает наследственное удержание крови, назначенной опорой без отдельного согласия носителя.

Пахомов встал так резко, что скамья поехала по льду. Он решил, что дракон требует человеческой крови, и спросил, сколько людей должны открыть жилы.

— Ни один, — сказала Ли. — Требование запрещает передавать обязанность по рождению.

Комендант потребовал подтверждения от самого истца.

— Я требую вернуть носителю право на собственную кровь, — ответил Ао Хэйлинь. — Мёртвые не подтверждают согласие. Нерождённые не принимают обязанность.

На берегу прошёл шум. Люди слышали слово «кровь» и ждали приказа готовить жертв. Точный смысл не убрал страх, но дал ему границы.

Имперский чиновник спросил, падут ли защитные узлы после снятия наследственной опоры. Дракон признал, что многие разрушатся. Чиновник возразил: открытые города заплатят жизнями. Ао Хэйлинь напомнил, что прежний порядок тоже убивал носителей, просто власти не считали их отдельно.

Глеб тихо согласился. Пахомов обвинил его в выборе чужой стороны.

— Я выбрал арифметику, — сказал Глеб. — Она неприятная, но не предаёт.

Ли заставила представителей повторить третью строку. Пахомов попытался заменить «прекратить» словом «проверить». Она остановила его. Он выругался, но произнёс условие точно.

Когда требования были разделены, Ли взяла чистый лист. Ветер поднял край, Глеб прижал его ножами. Теперь нужно было получить время.

Ао Хэйлинь считал долг доказанным и требовал начать исполнение после предъявления. Ли возразила: человеческая сторона должна проверить каждую запись и назвать встречные нарушения. На чешуе появилась новая строка. Дракон подтвердил, что Первый договор давал право на ответ, но человеческие суды отменили его для непризнанных сторон.

Ли напомнила о решении Небесного трибунала. Ао Хэйлинь указал на разницу: Трибунал отказался определять, кто достоин быть стороной, однако не восстановил сам договор.

Пахомов спросил, сколько займёт проверка. Имперский чиновник потребовал год. Дракон не согласился: за год люди успеют построить новые узлы. Ли предложила связать срок не с волей одной стороны, а с событием, которое смогут видеть все.

— Ваша бумага видит только то, что пережило воду, — сказал Ао Хэйлинь.

— Поэтому бумага будет не единственным носителем.

Она велела принести чашу. Пётр подал деревянный ковш и сообщил, что лучшей посуды для царя-дракона крепость не сохранила.

— Эта хотя бы не течёт, — сказал Глеб.

— Пока не налили, — уточнил Пётр.

Ли наполнила ковш речной водой. На бумаге записала срок для людей и право дракона на отзыв.

— Сто двадцать восходов. На сто двадцать первый восход Ао Хэйлинь вправе отозвать участие древних из защитных узлов, если долг не исполнен и новый договор не принят.

Пахомов напомнил, что зимой дороги встанут. Ли ответила: поэтому срок и измеряется восходами, а не скоростью гонцов. Имперский чиновник потребовал больше времени. Степной старший хотел сократить срок, потому что его люди не собирались кормить заставы на спорной земле. Пока они спорили, край бумаги промок от снега.

Ао Хэйлинь согласился на сто двадцать восходов, но добавил условие. Если оба ответственных свидетеля покинут контур иска, срок сократится.

Ли возразила, что свидетели ещё не выбраны.

— Вы выбрали роль, когда остановили разрыв и назвали цену перед людьми.

На воде в ковше появилась строка. Свидетельство возникло из поступка, но требовало личного принятия. Дракон назвал сокращённый срок — двенадцать восходов. Глеб уточнил, сохранится ли полный срок, если останется один свидетель. Получив подтверждение, он велел записать условие.

Ли посмотрела на него.

— Ты согласен?

— Сначала назови цену полностью.

Ли едва не решила за обоих раньше, чем успела подумать. Она заставила себя ответить. Ответственный свидетель подтверждал перевод и получал каждое уведомление. Если оба ухो-

дили, оставалось двенадцать суток. При приближении к старому Мандату знак срока отзывался на теле.

Глеб отдельно спросил о последствиях для неё. Ли признала, что усилятся боль и тремор, а правая рука может раньше перестать удерживать кисть. Его кровь будет отмечена как свидетельская, но не станет платой. Разрыв знака сократит срок.

— Теперь согласен, — сказал он.

Ли приняла роль ответственного свидетеля на сто двадцать восходов и потребовала права передать её другому при согласии сторон. Дракон разрешил передачу. Глеб принял ту же роль.

Она записала формулу. Правая рука дрожала, и последнюю черту провёл Глеб. Он не пытался исправить её почерк.

Живым свидетелем стал Пётр. Сначала он назвал дракона хозяином срока, и Ли велела повторить.

— Сто двадцать восходов принадлежат договору. Ни дракон, ни комендант не могут украсть день по своей воле.

Пахомов поморщился.

— Почему меня поставили рядом с драконом?

— Чтобы Петру было легче запомнить, — сказал Глеб.

Пётр опустил пальцы в ковш. Ли положила бумагу на лёд. Ао Хэйлинь коснулся воды когтем.

Вода в ковше покрылась льдом изнутри. На бумаге выступило число восходов. У Петра на запястье появилась бледная отметка, а ладонь Ли пронзила боль.

Строка прошла по старому повреждению и легла поперёк правой ладони. Пальцы свело, кисть-клинок выпала на стол. Глеб поймал её у края.

— Это вся цена?

— На сегодня.

— Ты обещала называть каждую.

— Обещаю. До решения, а не после.

Он вернул кисть в ножны. Безоговорочного доверия в этом движении не было. Но условие он принял, и Ли этого хватило.

Ао Хэйлинь поднял голову. Строки на его шее пришли в движение. Теперь он называл старые опоры договора. Имена правителей сменялись родами и крепостями. Ли слушала, пока не услышала знакомую формулу.

— Кровь Воронцов, подготовленная для принятия несовместимых условий.

Глеб поднял взгляд.

Следующая чешуя открыла запись, сделанную почерком её отца.

— Рука клана Ли, назначенная для исправления царского приказа.

Ли прижала повреждённую ладонь к груди. В перечне должников не прозвучало ни имени Глеба Воронца, ни имени Ли Шэньюэ. Первый договор называл их не теми, кто обязан платить, а теми, кого заранее приготовили для исполнения чужой воли.

Глава 3. Ворота для всех

Верхние ворота закрылись перед первыми санями. Железная скоба сама легла в пазы, а знак над проездом сбросил с доски имя раненого стрельца. Его жена увидела исчезнувшую строку и заколотила в створку кулаками.

Глеб поднялся по ледяному откосу, ухватился за задок саней и помог Даниле вытянуть их на площадку. Ниже ждали жители затопленного посада. Древние держались отдельно, хотя места на подъёме не хватало даже для одной очереди.

— Почему закрыли? — спросил Данила.

Пётр Ломакин показал на караульную доску.

— Писарь говорит, ворота сами решили.

— Удобная служба. Начальник всегда железный и жалоб не слушает.

Писарь Ефим сидел у стены с чернильницей под полой. Он провёл новое имя, но строка побелела.

— У раненого нет отметки верхнего гарнизона, — объяснил он. — Нижний список утонул. Для знака он посторонний.

Глеб посмотрел на ворота. Приказная печать лежала поверх старого знака. Её поставили недавно: в пазах ещё блестела кровь писца.

— Пахомов?

Ефим отвёл глаза.

— Комендант велел принимать только людей из своего реестра.

— Жители посада в нём есть?

— Часть.

— Раненые с пристани?

— Нет.

— Древние?

Ефим посмотрел вниз и прижал чернильницу крепче.

— Знак считает их оружием.

Юнь-Су стояла рядом с раненым древним. Остальные несли людей. Оружие обеих сторон лежало на санях под одной верёвкой.

Вода подступала к основанию откоса, лёд на краю ломался под сапогами. Времени на спор не было.

— Ефим, открой книгу правил.

— Комендант запретил.

— Он запретил открывать ворота. Книгу он не запирает.

Писарь достал узкую книгу. Страницы набухли от сырости. После решения Трибунала старые категории разрешалось уточнять при согласии двух свидетелей.

Ли поднялась по откосу последней. Правую руку она держала под плащом. Строка срока на ладони отзывалась на приказную печать, и пальцы дрожали.

— Не ломай знак, — сказала она, ещё не подойдя к воротам.

— Я читаю.

— Это обычно предшествует беде.

— Иногда я дочитываю.

Она встала рядом и посмотрела на страницу.

— Здесь есть временный допуск.

— Проситель, — прочёл Глеб. — Тот, кто требует суда, лечения или убежища и не признан врагом отдельным решением.

Ефим покачал головой.

— Древние признаны опасными.

— Опасный не равен врагу, — сказала Ли. — Иначе ваш комендант давно жил бы снаружи.

Писарь поперхнулся и спрятал лицо в воротник.

Глеб попросил его добавить в караульный список новую категорию. Ефим отказался: приказная печать была скреплена именем Пахомова. Попытка изменить запись могла лишить писаря должности и права служить в любой крепости.

— А если люди замёрзнут у ворот? — спросил Глеб.

— Меня спросят за нарушение приказа.

— Если они умрут, спросят наследников. Тебе станет легче?

Ефим не ответил. С другой стороны ворот раздался голос Пахомова:

— Не трогать реестр. Людей принимать по одному. Древних оставить снаружи.

Глеб подошёл к щели между створками.

— Через час подъём смочет.

— Значит, веди людей быстрее.

— Ворота их не пускают.

— Верхняя крепость не обязана принимать весь посад. У меня нет места и лекарств.

— Место найдём.

— Ты уже нашёл воду для склада.

Глеб посмотрел на раненого на санях. Мужчина начал дрожать. Повязка на животе промокла кровью.

— Открой ворота, Фёдор Матвеевич.

— Отойди от реестра.

На створках выступили новые знаки. Печать закрепила приказ: пропускать названных жителей верхней крепости и служилых людей гарнизона. Остальных она объявила угрозой. Дерево вокруг знака потемнело.

Глеб коснулся створки. Чужое условие вошло в ладонь и потянулось к крови. Он мог принять его, сломать запрет и вместе с ним вырвать часть крепостного круга. Под ногами прошла дрожь. Камни откоса начали расходиться.

Ли накрыла его руку своей левой ладонью.

— Если порвёшь, створки откроются внутрь и придавят людей в проходе.

— Знаю.

— Тогда убери руку.

Он послушался. Это далось тяжелее, чем ударить.

— Ефим, — сказал Глеб, — приказная печать запрещает впускать тех, кого нет в списке. А добавлять новую категорию тоже запрещено?

Писарь перечитал строку и нахмурился.

— Нет. Комендант считал, что список закрыт.

— Печать считает иначе?

Ефим провёл пальцем по полю страницы. На краю оставалось место для одной записи.

— Нужны два свидетеля. Один от гарнизона, другой от тех, кто просит входа.

Данила поставил знак первым. Юнь-Су подошла к книге, но Ефим не дал ей кисть.

— У неё нет признанного имени.

— Потому она и проситель, — сказал Глеб.

— Получается круг.

— Тогда открой его с правильной стороны.

Ли взяла кисть левой рукой. Она не писала имя за Юнь-Су, а спросила, как та хочет быть названа в человеческом реестре.

— Юнь-Су. Без определения вида и без имени владельца.

Ефим хотел возразить, но Глеб показал на воду, которая дошла до нижних саней. Писарь записал имя. Юнь-Су коснулась края страницы и подтвердила просьбу об убежище.

Категория «проситель» потемнела. На воротах появилась узкая свободная полоса. Скоба поднялась на ширину пальца, однако створки не открылись.

— Не хватает поручителя, — сказала Ли.

Пахомов услышал её через ворота.

— Ни один человек гарнизона не поручится за тварей.

— Я поручусь, — ответил Глеб.

Данила тихо выругался. Ефим посмотрел на Глеба так, словно тот предложил лечь под ворота.

— За любой их поступок спросят с вас.

— Записывай.

— Имуществом, службой и кровью, если будет убийство.

— Пишешь медленнее, чем пугаешь.

Ефим внёс его имя. Печать приняла поручительство. Строка обожгла запястье Глеба, затем ушла в дерево. Створки разошлись на ширину ладони.

На караульной доске появилась новая колонка. Раньше знак искал имя только среди жителей и служилых. Теперь он задержался на строке Юнь-Су, сверил её с поручительством и оставил чёрную точку допуска. Следующие имена должны были пройти тем же путём. Печать не стала добрее: она лишь получила правило, по которому обязана была рассматривать просьбу.

Пахомов удерживал внутренний ворот вместе с тремя солдатами.

— Ты не имеешь права говорить за крепость.

— Я говорю за себя.

— Тогда сам и корми их.

— Сначала открой.

Комендант не отпустил рукоять. Глеб велел Даниле связать сани попарно. Полозья положили поперёк трещин, сверху набросили доски. Получился подвижный настил, который можно было подтягивать канатом. По нему пошли первые раненые.

Глеб проверил настил перед следующим подъёмом. Нижние полозья ушли в воду, доска под ногами прогнулась. Он переставил людей так, чтобы тяжёлые сани тянули с обеих сторон, и запретил взрослым садиться вместе с ранеными. Пожилая женщина возмутилась, но встала на ноги, когда полоз под ней треснул.

Лекарь осматривал людей у ворот. Тяжёлых несли в приказную избу, остальных отправляли в конюшню. Пахомов попытался отделить своих солдат.

— Повязки по ране, — сказал Глеб. — Не по службе.

— У меня восемь полос холста.

— Режь рубахи.

— Чьи?

Глеб снял с плеч запасную рубаху и бросил лекарю. Данила последовал его примеру.

— Фёдор Матвеевич, — сказал сотник, — можете сохранить свою. Она у вас начальственная, плохо впитывает кровь.

Солдаты засмеялись. Пахомов отпустил рукоять, и створки раскрылись ещё на шаг.

Древние не двинулись. Они пропускали людей вперёд. Юнь-Су следила за чёрным берегом за их спинами.

— Что там? — спросил Глеб.

— Люди, которые не хотят суда.

Над откосом поднялись три чёрных флага с белой чертой, перечёркнутой клинком. Отряды немедленной войны не брали древних в плен и не признавали переговоров.

Всадники остановились у нижней дороги. Командир потребовал отдать древних.

— Заложники стоят за воротами, — сказал Данила. — Эти пока перед ними.

Первая пуля ударила в сани. Стрелок целился не в людей, а в настил. Разрушить проход было выгоднее, чем начинать бой с гарнизоном.

— Тянуть канат! — приказал Глеб.

Солдаты у ворота налегли на рукояти. Сани поползли вверх. Второй выстрел перебил доску. Женщина провалилась ногой между полозьями. Юнь-Су выдернула её и понесла к воротам.

Отряд пошёл вниз. Ружья нападавших были закрыты чехлами, а у крепостных фитили отсырели.

Глеб поставил шестерых стрелков за каменным бортиком.

— Не стрелять по лошадям. Бейте в дорогу перед ними.

— Порох сырой, — сказал Пётр.

— Значит, экономить будет легко.

Первый фитиль погас. Данила выругался и велел готовить луки.

Чёрный отряд ударил по канату крюком. Верёвка натянулась, сани развернуло. Нижний край настила ушёл в воду. На нём оставались трое древних и раненый русский солдат.

Глеб сбежал по доскам. Стрела ударила в борт саней рядом с его коленом. Он перерубил верёвку крюка и подтянул раненого к себе. Один из древних подхватил солдата с другой стороны.

— Имя? — спросил Глеб.

Существо показало зубы.

— Сейчас?

— Для ворот.

— Шао-Кэ.

— Ефим! Пиши Шао-Кэ, проситель, несёт раненого!

Писарь вывел имя. Знак над проездом дрогнул. Шао-Кэ пересёк черту, и ворота не отбросили его. Ли стояла у книги и спрашивала каждого древнего, как его записать. Правая рука висела вдоль тела. Кисть она держала левой, а Ефим повторял знаки там, где её почерк выходил неровным.

Чёрный отряд спешил. Трое пошли к настилу с топорами. Глеб встретил первого у края воды. Ударил обухом по кисти, оттолкнул плечом и не дал упасть под сани.

Второй рубил несущий канат. Юнь-Су бросила в него костяную заколку. Та вошла в рукав и пришила его к доске. Нападавший рванулся, потерял равновесие и оказался в воде по пояс.

— Я думал, вы сдали оружие, — сказал Глеб.

— Это предмет для волос.

— Волосы у вас опаснее наших ружей.

Третий надрубил канат. Данила обмотал верёвку вокруг столба и принял вес на себя.

Сверху раздался треск. Приказная печать Пахомова не выдерживала новых имён. Створки дёргались, скоба пыталась вернуться в пазы. Глеб увидел, как по стене пошла трещина. Если ворота рухнут, настил потянет за собой людей.

— Ли!

— Вижу. Печать отвергает расширение списка.

— Можешь изменить?

— Прикосновение к старому Мандату усилит строку срока.

— Цена названа. Делай только необходимое.

Ли опустила кисть. Она не стала переписывать приказ. Вместо этого провела черту между категорией «проситель» и поручительством Глеба. Ворота получили право держаться до завер-

шения входа, но трещина продолжала расти. Пальцы правой руки свело, и кровь выступила под повязкой.

В этот момент на внутренней стороне створки появился один знак.

Чёрная черта легла поперёк трещины, обвила петлю и связала её со стеной. Створки перестали дёргаться.

Глеб не увидел назначенной жертвы. Знак взял опору из самого приказа и заставил его сохранять проход, который тот пытался закрыть.

— Это твоё? — спросил он Ли.

Она побледнела.

— Нет.

Нападавшие заметили, что ворота удержались, и отступили к дороге. Данила велел не преследовать. Стрелы гарнизона легли перед лошадьми, вынуждая всадников подняться на берег. Чёрные флаги ушли в темноту, но один человек остался в воде с пришитым рукавом. Его вытащили и связали.

Последние сани прошли внутрь. Ефим записал имя девочки, которую древний принёс на руках. Затем закрыл книгу. Свободная полоса на воротах исчезла, однако створки остались открыты.

Во дворе стало тесно. Древние стояли у конюшни без оружия. Люди Данилы помогали лекарю, солдаты Пахомова отошли к приказной избе.

Пахомов вышел к Глебу и сорвал с его плеча крепостную перевязь.

— С этой минуты ты не получишь людей, пороха и коней гарнизона.

— Коней всё равно мало.

— Ты впустил врага.

— Я впустил просителей.

— Слова Ли не изменят того, кем они являются.

— Ворота изменили.

Комендант посмотрел на открытые створки и приказал своим солдатам отойти. Половина подчинилась без спора. Остальные остались у раненых.

Юнь-Су подошла к Глебу. На её сером платье темнела чужая кровь.

— Ты защитил право врага войти в свой дом, — сказала она.

— Это крепость. До дома ей далеко.

— Я буду говорить с тобой о долге. Не потому, что доверяю людям. Потому что сегодня ты не позволил знаку решить за нас.

Поручительство на запястье стало горячим, когда Шао-Кэ повысил голос у конюшни. Теперь любой их спор касался Глеба.

Ли стояла у створки и изучала чёрный знак. Глеб подошёл к ней. Почерк был слишком точным, чтобы принять его за случайный след. Один нажим закрывал трещину, второй подчинял петлю, третий оставлял владельцу право вмешаться снова.

— Чанфэн, — сказал Глеб.

Ли кивнула. На дереве проступила ещё одна строка, короткая и понятная без перевода:

— Я могу остановить распад сегодня.

Глава 4. Три вида возврата

К утру в зале совета стало теснее, чем во дворе у ворот. На лавках сидели офицеры, посадские старосты и писари. Трое древних стояли у стены.

Ли положила на стол три листа. Правую ладонь она держала под повязкой. Строка строка жгла кожу всякий раз, когда в зале вспоминали старые узлы.

Комендант Пахомов посмотрел на бумаги.

— Почему три?

— Потому что требования разные.

— Долг один.

— Тогда попробуйте вернуть землю именем и заменить кровь стеной.

Имперский чиновник Цао Вэньгуан потянул к себе первый лист, но Ли накрыла его левой ладонью.

— Обсуждаем по одному. Пока не определим, что делать с землёй, второй список остаётся закрытым.

— Вы устанавливаете порядок в моём совете? — спросил Пахомов.

— Вчера ваши ворота едва не убили людей по точному приказу. Сегодня точность будет моей заботой.

Глеб сидел у окна без крепостной перевязи. Перед ним остывала каша. Костяшки распухли, поручительская метка на запястье потемнела. Данила Рубежный прислонился к двери. Пахомов велел ему уйти, но сотник ответил, что охраняет совет от голода: кашу ещё не отобрали, значит, опасность сохранялась.

Ли развернула реестр повинностей. На полях стояли отметки о рыбе, ремонте пристани и корме для коней.

— Земля узла — не место под стеной. Она определяется тем, кто платит за его работу. Четыре деревни кормили гарнизон. Две исчезли из нового реестра, но повинность осталась.

Писарь Ефим провёл пальцем по строке.

— Их перенесли на восточный берег.

— Людей?

— Запись.

Юнь-Су подошла к столу.

— Людей увели раньше. Запись сохранили, чтобы брать зерно с соседних поселений.

— Откуда тебе известно? — спросил Пахомов.

— Я жила у той протоки до вашей крепости.

— Там не было поселения.

Юнь-Су назвала шесть имён. Ефим нашёл два в ведомости погибших. Напротив остальных строки оставались пустыми.

— Это не доказывает владение, — сказал Цао Вэньгуан.

— Но и не делает землю пустой, — ответила Ли.

Пахомов ткнул пальцем в карту.

— Отдадим места, где никто не живёт. Узлы оставим. Их строили люди.

Юнь-Су указала на северную стену.

— Здесь стояло зимнее хранилище. Вы заняли его башней. У переправы брали кровь у тех, чьи имена потом удалили. Земля стала пустой после того, как её жители потеряли право остаться.

— А ваши сородичи не разоряли поселения?

— Разоряли.

Офицеры ожидали оправдания и не получили его.

Ли подвинула к Юнь-Су первый лист.

— Отмечаем спорные участки с обеих сторон. Новые работы прекращаются до проверки. Жители, которых реестр считал отсутствующими, получают право явиться и назвать свою цену.

— Кто решит, настоящий ли это житель? — спросил Цао.

— Два независимых свидетеля и прежняя повинность.

— А если книги уничтожены?

— Тогда придётся слушать живых.

Пахомов усмехнулся.

— Любой придёт и объявит себя владельцем крепости.

Глеб отодвинул миску.

— Вчера вы объявили любого снаружи врагом. Способ не лучше.

— Тебя лишили права говорить от имени гарнизона.

— Я говорю от имени каши. Она тоже устала ждать.

Данила забрал миску и сел на подоконник. Пока Пахомов искал ответ, Ефим нашёл в книге северную деревню. Её жители должны были укреплять откос. Деревни не было двадцать семь лет, но гарнизон продолжал получать лес с другого берега.

Посадский староста назвал две семьи, которые рубили этот лес. Юнь-Су подтвердила, что их лодки ходили к старой протоке. Цену земли платили люди, которых карта не считала владельцами.

Ли записала первое действие: приостановить сбор леса до общего разбора.

— Без него весной снесёт стену, — сказал Пахомов.

— Предложите договор тем, кто рубит.

— Стена защищает и их.

— Они должны услышать это до повинности.

Ли перевернула лист.

— Теперь имена.

Цао потребовал восстанавливать только тех древних, кто не участвовал в нападениях. Юнь-Су спросила, лишают ли человеческого преступника имени до суда.

— Тяжких изменников вычёркивают из родовых книг, — ответил чиновник.

— После приговора, — сказала Ли. — Здесь сначала лишали имени, потом любой поступок объявляли природой существа.

Седой хранитель заговорил впервые:

— Мою дочь называли речной помехой. После этого солдаты убрали её с переправы без суда.

— Она убивала людей? — спросил Пахомов.

— Да. После того как её детёнышей забрали для узла.

— Значит, была опасна.

— Была. Имя не отменяет опасность. Оно позволяет судить действие, а не вид.

Ли записала: открыть временный реестр выбранных имён и принимать обвинения вместе с именем обвиняемого.

Шао-Кэ хмыкнул.

— Вы дадите нам имена, чтобы удобнее было вешать?

— И чтобы нельзя было повесить другого вместо вас.

— Уже полезнее.

Пахомов ударил ладонью по столу.

— Я не позволю древним жаловаться на гарнизон.

— Тогда общий совет состоится без гарнизона, — сказала Юнь-Су. — Мы не просим у вас разрешения помнить убитых.

Цао Вэньгуан постучал печатью по столу.

— Это вызовет сотни разбирательств.

— Вы хотели один долг, — ответила Ли. — Один долг удобен, пока не появляются имена.

За дверью затопали сапоги. В зал вошёл гонец в степной шубе и передал кожаную полоску. Степной старший прочитал её сам. Два рода у нижней переправы признали иск Ао Хэйлиня и прекращали поставлять коней крепостям на спорной земле.

— Они перешли к дракону? — спросил Пахомов.

— Они признали иск. Это не одно и то же.

— Для войны достаточно.

— Для войны вам всегда достаточно.

Цао велел перейти к третьему листу. Спор начался прежде, чем Ли развернула его. Пахомов заявил, что прекращение наследственной крови ослабит крепости. Один офицер предложил сохранить прежние линии до рождения новых носителей.

— Повторите без удобных слов, — сказала Ли.

— Дети сохраняют обязанность предков.

— То есть родятся должниками.

— Они родятся защищёнными.

Юнь-Су посмотрела на него.

— Если ребёнок не может отказаться, это одна цепь.

Глеб спросил, есть ли в крепости наследственные носители. Ефим нашёл в служебной книге две семьи. Одна жила в посаде, который ушёл под воду.

— Они знают? — спросила Ли.

Писарь покачал головой.

Пахомов сжал край стола.

— Если сказать им сейчас, они уйдут.

— Значит, крепость держалась на том, что люди не знали цену.

— Она держалась.

— Вчера она чуть не закрылась перед ними.

Ли записала третье действие: сообщить носителям условия до следующего восхода и запретить передавать обязанность детям без отдельного согласия. Пахомов вырвал лист у неё из-под руки.

— Вы не говорите от имени гарнизона.

— Я говорю как ответственный свидетель.

— Отныне ваши списки не считаются решением крепостного совета.

Цао не поддержал коменданта, но убрал свою печать в рукав. Ли поняла цену сразу. Военные принимали её точность, пока она защищала их власть.

Она подняла лист с пола и положила перед Ефимом.

— Запишите отказ гарнизона. Он тоже часть протокола.

Пахомов вышел. За ним ушли четверо офицеров. Данила остался у двери.

Юнь-Су поставила знак под первыми двумя листами.

— Я передам их тем, кто согласится участвовать. Но прежняя дружба не закрывает долги.

— Я не прошу закрывать.

— И не рассчитывай, что древние подчинятся твоему порядку.

— Я рассчитываю, что вы будете спорить вслух.

— Это мы умеем лучше людей.

Глеб поднялся.

— Спорно.

К полудню человеческие представители признали необходимость проверки земель и возвращения имён, но отказались немедленно снять наследственные опоры. Древние согласились

прислать представителей, если их впустят под выбранными именами. Этого хватало для следующего шага.

Ли спустилась к площадке над Амуром без военного сопровождения. С ней пошёл Глеб. Юнь-Су осталась у лестницы как свидетель древних.

Ао Хэйлинь лежал вдоль тёмной протоки. При появлении Ли строки на чешуе проступили ярче.

— Человеческий совет разделит долг, — сказала она. — Теперь я требую права исправлять ошибочно приписанные нарушения.

— Вы уже исправляли перевод.

— Перевод не меняет реестр. В нём есть долги тех, кто не принимал решения.

— Укажите первый.

Ли назвала северную деревню. Реестр возлагал на её жителей захват переправы, хотя они сами потеряли доступ к реке. Ао Хэйлинь повернул чешую. Под обвинением открылась скрытая строка: приказ отдал воевода, а крестьяне работали под угрозой выселения.

— Ответственность исполнителей уменьшается. Ответственность владельца приказа сохраняется.

— Значит, список можно исправлять.

— Ошибка в одном имени не отменяет доказанный долг.

— Но даёт право проверить остальные.

Дракон молчал. Вода у края площадки двигалась вместе с его дыханием.

— Право на проверку признано. Каждая сторона может предъявить встречное требование при двух свидетелях.

— К древним тоже?

Ао Хэйлинь развернул шею. На нижнем ряду чешуи появились другие записи. Разумные древние перекрыли зимний путь после перемирия. Хранитель узла потребовал человеческих детей сверх согласованной цены. Третья строка называла отряд Юнь-Су.

Она прочла её с лестницы.

— Мы уничтожили караул, сопровождавший пленников. Среди солдат были те, кто не знал о грузе.

— Требование человеческой стороны допускается, — сказал Ао Хэйлинь. — Верная цель не отменяет долг.

Глеб подошёл ближе к краю.

— Вы хотите суда или подчинения?

— Я хочу, чтобы моё право уйти признали таким же, как ваше право остаться.

— Ваши союзники это понимают?

Дракон посмотрел на Юнь-Су, потом на чёрные флаги у нижней дороги.

— Не все.

Ли получила нужный ответ. Ао Хэйлинь требовал признать его равной стороной, а не посадить на человеческий трон. Часть его союзников принимала равенство за право победить.

— Тогда общий суд рассматривает поступки обеих сторон, а список исправляется публично.

— Согласен.

— Сократите перечень узлов на время проверки. Хотя бы тех, от которых зависят города.

— Нет.

— Люди погибнут раньше разбирательства.

— Люди уже погибают ради этих узлов. Вы просите оставить прежнюю цену, потому что она скрыта.

Строка срока отзывалась болью в руке Ли.

— Я прошу время заменить опору.

— Время дано. Право продолжать нарушение не дано.

Он был точен и безжалостен. Ли не считала иск несправедливым, однако не могла принять гибель городов как доказательство правоты.

— Я публично признаю законность части иска. Земля и имена подлежат возврату там, где записи подтверждены. По крови спор продолжается до проверки каждого узла.

— Признание принято. Несогласие записано.

На чешуе открылась новая строка. Имя Ли стояло рядом с пометкой ответственного свидетеля. Военного права говорить она лишилась, зато получила право участвовать в общем разборе — оно было слабее приказа и опаснее для всех сторон.

Юнь-Су подошла к краю площадки.

— Я приведу представителей трёх общин. Они не станут вашими союзниками.

— Мне нужны участники.

— Участник может уйти.

— Поэтому он и нужен.

Сверху донёлся топот. На площадку сбежал молодой всадник в промёрзшей шубе. Его конь остался у ворот, белый от пены. Гонец держал ременную бирку Боро Чулуу.

— Совет степных общин собирается у трёх дорог. Два рода признали иск. Остальные решат до третьего восхода.

— Боро с ними? — спросил Глеб.

— Она требует говорить с каждой общиной отдельно. Если крепости откажутся от общего суда, степь полностью перейдёт на сторону Ао Хэйлиня.

Ли посмотрела на три листа. Утром они разделяли требования. К полудню стали границами, по которым расходился прежний союз.

На бирке Боро была вырезана строка: «Приходите до того, как за нас ответят другие».

Глава 5. Свидетель выбирается

Боро Чулуу нашла первый след у замёрзшего ручья. Конница прошла ночью, когда снег ещё не затвердел. Лошади шли тяжело: подковы проваливались глубоко, а возле поворота осталась сломанная стрела с чёрным оперением.

Второй отряд пересёк дорогу утром. Эти всадники берегли коней и вели запасных в поводу. След уходил к солёным колодцам, хотя до войска Ао Хэйлиня было ближе через восточную балку.

Третья конница двигалась без обоза. Она шла быстро и не скрывала путь. На кусте висел обрывок красного ремня — знак молодых дружин, которые требовали немедленно вернуть спорные пастбища.

Боро воткнула в снег три прута. Они расходились от одной развилки.

— Вот ваш общий союз, — сказала она.

Старший Сагай спешился рядом и посмотрел на следы.

— Все идут к дракону.

— Нет. Первые идут к речным древним. Вторые хотят занять колодцы раньше соседей.

Третьи ищут бой.

— Цель у них одна.

— До первого голодного коня.

Сагай дёрнул рукавицу зубами и поднял сломанную стрелу.

— Люди крепостей забрали землю. Дракон требует вернуть её. Здесь спорить не о чем.

— Тогда почему ваши всадники свернули к колодцам?

— Чтобы обеспечить путь.

— Чей?

Сагай промолчал. За его спиной молодые воины уже обсуждали, сколько коней можно поставить у восточной воды. Их община пользовалась тем же колодцем, что и род Эргэ. Оба рода признали иск Ао Хэйлиня, но делить воду не собирались.

Боро выдернула прутья.

— Если все выступят сегодня, к дракону придёт не союз. К нему придут три драки.

— Мы разберёмся после победы.

— После победы воды больше не станет.

Сагай вернул стрелу в снег.

— Совет ждёт. Ты должна занять место своего рода.

Боро поднялась в седло.

— Я никому ничего не должна по крови.

— Место принадлежало брату твоего отца.

— Он умер.

— Поэтому место перешло тебе.

— Тогда пусть он и говорит через меня. Я послушаю.

Сагай нахмурился, однако спорить на ветру не стал. Они вернулись к зимней стоянке.

Совет собрался в большой войлочной юрте у развилки. Внутри горел низкий очаг. Дым уходил через отверстие в крыше, но при каждом порыве опускался обратно и заставлял старших шуриться.

У входа лежал родовой знак — железная пластина с вырезанными именами наследственных представителей. Чтобы войти в круг, человек должен был коснуться её ладонью. Пластина признавала кровь и открывала проход между двумя шестами.

Сагай приложил руку. Шесты разошлись.

Боро подошла следом. Железо потеплело, признало её род и потянуло к свободному месту умершего родственника.

Она убрала ладонь.

— Входи, — сказал Сагай.

— Как проводник или как мёртвый дядя?

— Как представитель рода.

— Род меня не выбирал.

— Кровь выбрала.

Боро переступила через пластину, не касаясь её. Шесты ударили друг о друга и сбили с неё шапку.

Молодые воины засмеялись. Боро подняла шапку, стряхнула снег и вошла боком между шестами.

— Хороший обычай, — сказала она. — Сразу объясняет, кому здесь тесно.

В круге сидели представители пяти общин. Женщинам обозного круга отвели место за спинами старших, хотя именно они решали, сколько зерна получит каждая дружина. Боро увидела среди них Тэргэ, хозяйку зимних запасов. Та держала на коленях счётные ремешки и слушала внимательнее, чем мужчины.

Сагай занял центральное место.

— Два рода признали требование царя-дракона. Ещё три готовы присоединиться. Люди крепостей отказались вернуть землю и продолжают держать кровь в узлах. Мы отправляем конницу к Ао Хэйлиню.

— Чью конницу? — спросила Боро.

— Общую.

— У неё уже три дороги.

Она положила на войлок сломанную стрелу, затем ремень, найденный у третьего следа. К ним добавила ком земли с солью, взятый возле колодца.

Сагай поморщился.

— Мы видели следы.

— Вы увидели направление. Я смотрела, зачем они свернули.

Старший рода Эргэ взял ком земли и объявил колодец своим. Боро напонила, что соседи уже шли туда раньше войска дракона: союз мог закончиться у первой воды.

Молодой воин Хадан ударил кулаком по колену.

— Хватит пугать совет. Землю возвращают силой. Крепости понимают только оружие.

— Вчера ты хотел идти к Амуру, — сказала Боро. — Сегодня твои люди свернули к пастбищу рода Эргэ.

— Нам нужен корм.

— Им тоже.

— Пусть уступят ради войны.

Старший Эргэ подался вперёд.

— Почему уступать должны мы?

Хадан ответил слишком быстро. Через несколько мгновений оба рода спорили уже не о драконе, а о зимней траве.

Боро дождалась, пока Сагай ударит жезлом по земле.

— Вы доказали мою мысль быстрее, чем я надеялась.

— У тебя есть другое предложение? — спросил он.

— Есть. Каждая община отправляет условия отдельно. Один человек доставит их Глебу Воронцу и Ли Шэньюэ. Он вернётся с ответом до двенадцатого дня.

Хадан усмехнулся.

— Почему к ним? Они служат крепостям.

— Комендант уже лишил Глеба людей и коней. Ли признала часть иска дракона, после чего военные запретили ей говорить от гарнизона. Плохая служба, если за неё сразу выгоняют.

— Они могут солгать.

— Поэтому поручение будет ограничено. Посланник не заключает вечный договор и не отдаёт землю. Он привозит ответ, который можно проверить.

Сагай указал на железную пластину у входа.

— Представитель уже определён обычаем.

— Обычай выбрал меня до того, как услышал задачу.

— Ты отказываешься от места своего рода?

— Да.

В юрте стало тише. Даже Хадан не успел придумать насмешку.

Сагай наклонился к ней.

— Без этого места ты не имеешь права предлагать решение.

— Тогда совет может продолжиться без меня. Только сначала объясните всадникам, где они возьмут корм.

Тэргэ поднялась за спинами старших.

— Не возьмут.

Сагай обернулся.

— Что?

— Обозный круг не выдаст зерно дружинам, которые уходят без согласованных дорог.

Хадан вскочил.

— Корм принадлежит родам.

— Зерно хранят наши повозки. Мешки откроются, когда мы узнаем, куда идут кони.

— Женщины не решают войну.

Тэргэ развязала один счётный ремешок.

— Тогда воюйте без лошадей.

За ней поднялись ещё четыре хозяйки. Они положили ремешки перед собой. На каждом узлами отмечали выданный корм. Пока узел оставался закрытым, дружина не получала ни меры овса.

Сагай посмотрел на старших.

— Вы это согласовали?

— Сейчас согласовали, — ответила Тэргэ.

Хадан пошёл к выходу.

— Я сам открою повозки.

Две женщины встали у шестов. Они не брали оружие. Одна держала ключ от амбарного замка, вторая — книгу запасов.

— Откроешь, — сказала Тэргэ. — Потом объяснишь семьям, почему их дети останутся без муки.

Хадан остановился.

Боро села у края круга.

— Теперь можно выбрать человека для одной дороги.

Сагай сжал дорожный жезл.

— Вы хотите сломать обычай из-за мешков зерна.

— Нет. Мешки показали, что обычай и так не работает.

Старший Эргэ попросил назвать условия выбора. Боро ответила, что представитель получает право говорить только до возвращения с Амура. Любая община может отозвать своё поручительство до заключения нового соглашения. Если посланник подпишет вечную обязанность, его знак перестанет действовать.

Сагай покачал головой.

— Слабое поручение.

— Поэтому его можно дать живому человеку.

— Посланника будут считать безвластным.

— Пусть попробуют. За ним стоят общины, которые могут забрать своё слово.

Тэргэ взяла со стены старый дорожный жезл. Его использовали проводники, отправленные сопровождать общий караван. В дерево были вбиты медные кольца. Каждый хозяин дороги привязывал к своему кольцу ремешок. Когда путь заканчивался, ремешки снимали, и полномочие исчезало.

— Этот обычай старше пластины, — сказала она.

Сагай ответил, что дорожный поручитель отвечает только за караван.

— Сегодня наши слова тоже груз, — сказала Боро. — И везти их придётся через военные заставы.

Старшие начали спорить о том, кто может получить жезл. Хадан назвал себя. Он обещал привести войско дракона к крепостям и вернуть пастбища до весны.

— Ты уже выбрал войну, — сказала Боро. — Совет ищет человека, который сначала привезёт ответ.

— Ты боишься боя.

— Я боюсь людей, которые путают бой с дорогой. Бой заканчивается раньше, а платить приходится дальше.

Сагай предложил другого старшего. Тот отказался ехать без двадцати воинов. Совет не мог выделить ему столько корма. Третий кандидат потребовал право заключить союз на месте.

Боро не обещала победы. Она сказала, что доберётся до Амура, передаст три условия и вернётся до двенадцатого дня. Если стороны откажутся слушать, она привезёт отказ с именами свидетелей.

— А если дракон предложит вернуть все земли сразу? — спросил старший Эргэ.

— Я не приму решение за вас.

— Если Ли предложит новый договор?

— Привезу его текст.

— Если крепости задержат тебя?

— Тогда поручительство закончится в срок, и вы выберете другого.

Сагай провёл большим пальцем по жезлу.

— Ты легко говоришь о потере полномочия.

— Потому и могу его принять.

Выбор провели у выхода из юрты. Каждый представитель, поддержавший Боро, привязал к медному кольцу короткий ремешок. Сторонники Хадана клали стрелы у его ног.

Первый ремешок привязала Тэргэ. За ней подошёл старший Эргэ. Он предупредил, что снимет свой знак, если Боро признает право одной общины говорить за всю степь.

— Снимайте при свидетелях, — сказала она.

Третий ремешок дал небольшой род, владевший переправой. Его представитель потребовал включить в условия свободный проход к зимнему рынку.

Стрел у Хадана набралось много, но они принадлежали молодым дружинам двух родов. Ремешки на жезле представляли четыре общины и обозный круг. Сагай объявил Боро временным поручителем одного пути.

Железная пластина у входа отозвалась звоном. Она попыталась подтянуть Боро к наследственному месту, однако дорожный жезл оставил на дереве новый знак. В нём было указано, где начиналась власть и когда она прекращалась.

Пластина осталась лежать у порога. Проход между шестами открылся без признания крови.

Сагай передал жезл Боро.

- До двенадцатого дня.
- До возвращения с проверяемым ответом, но не позже двенадцатого дня.
- Ты всегда исправляешь старших?
- Только когда они оставляют место для ошибки.
- Он не улыбнулся.
- Не подписывай договор, который свяжет детей.
- Это первое условие.
- Не отдавай наши колодцы.
- Я не владею ими.
- И не доверяй Воронцу только потому, что он однажды спас тебе жизнь.
- Он спасал меня чаще. Доверять от этого легче не стало.

Тэргэ выдала Боро овёс на четыре дня и сушёное мясо. Остальное предстояло получить у общин по дороге. Так совет сохранял право остановить её путь: без новых мер корма она не могла долго двигаться.

Боро привязала жезл к седлу. Хадан стоял у своей лошади и смотрел на ремешки.

- Пока ты будешь возить слова, крепости соберут войско.
- Тогда покажи им пример и не собирай своё без решения совета.
- Я не обязан слушать женщин у мешков.

Тэргэ бросила ему пустой кормовой мешок.

- Возьми знамя. Оно легче.

Хадан отшвырнул мешок и ушёл между повозками.

Боро выехала до заката. С ней отправились двое проводников от разных общин. Один должен был подтвердить передачу условий, второй — сообщить об отзыве поручительства, если совет изменит решение.

У северной развилки Боро спешила проверить подкову. Снег здесь выпал после утреннего совета. На чистом склоне уходил свежий след конницы.

Она насчитала двадцать семь лошадей. Запасных животных не было, зато всадники везли копыя. Один конь хромал на левую заднюю ногу. Боро узнала его след: мерин принадлежал племяннику Сагая.

Конница вышла из стоянки через дальний овраг и направилась к войску Ао Хэйлиня. Следы вели мимо дороги на Амур.

Проводник рода Эргэ посмотрел на жезл.

- Вернёмся?
- Нет. Совет дал мне один путь.
- Это люди Сагая.
- Вижу.

Боро поднялась в седло. Выбор не остановил тех, кому он мешал, но теперь их поступок имел отдельный след и своего владельца.

Она переложила дорожный жезл на левое плечо и повернула коня к Амуру. За спиной её род уже выбрал другую дорогу.

Глава 6. Четыре старых спасения

Военный двор проснулся раньше караула. На снегу стояли шесть саней, возле конюшни спорили обозные, а у колодца оружейники раскладывали пластины Семи Клинков. Глеб ещё не успел открыть карту, когда старый грузовой узел на воротах ожил и стянул цепь вокруг ноги конюха.

Парень упал между полозьями. Лошадь рванула, сани пошли на него. Глеб бросился к цепи, но мастер Хоу вбил короткий клинок в землю и повернул рукоять.

— Разделить вес. Четыре опоры.

На снегу открылись четыре чёрные линии. Сани остановились в полушаге от головы конюха. Их тяжесть перешла на оружейников, стоявших по краям знака. Мужчины согнулись, но удержались.

Хоу выдернул клинок. Цепь упала, парень отполз к стене. Когда он попытался встать, ноги сами повернули его лицом к мастеру.

— Благодарю оружие.

Конюх произнёс благодарность. Только после этого колени снова послушались его.

Глеб поднял клинок из снега и увидел у гарды знак владельца. Хоу объяснил, что узел погашен на три дня. Если оружейники получают походное командование, такие пластины проведут обоз через мосты и заставы. На сапоге конюха осталась чёрная полоска. Пока она не исчезла, любой приказ Хоу, связанный с грузом, стал бы для парня обязательным. Мастер назвал это краткой платой за спасение.

— А спасённые будут поворачиваться к вам после каждого знака?

— Приказ длится несколько ударов сердца.

— Этого хватает, чтобы отнять оружие или заставить шагнуть с дороги.

— Зато человек остаётся жив.

В центре двора поставили стол из двух бочек и двери, снятой с затопленного склада. На ней лежала карта зимних дорог. К архивному перевалу вели два пути. Короткий проходил через три военные заставы. Длинный обходил их, но требовал вдвое больше корма.

Данила Рубежный бросил на карту связку овсяных бирок. Запаса хватало на семь дней для сорока коней. Если взять оружейников, оставалось пять. Две запасные лошади хромали после ледяного подъёма, а у третьих саней треснул полоз. Кузнец мог стянуть его железом, но тогда обоз терял половину дня. Через восточную заставу сани прошли бы быстрее, однако там не было корма: гарнизон забрал овёс ещё до падения Трибунала.

— Люди едят меньше лошадей, — сказал он. — Иногда. Если не считать офицеров.

Хоу сделал вид, что не услышал.

К воротам подошли представители остальных сил. Ветеран Безымянного полка Митрофан Клинков нёс свёрнутое знамя. Бывший служитель Ордена Чёрного Журавля Лян Ци привёл двух писцов. Последним явился Цао Вэньгуан с новым судебным актом и шестью стражниками.

Каждый принёс готовое спасение и хотел первым поставить свой знак на карте.

Митрофан обещал провести обоз за семь дней: приказ Безымянного полка не допускал отставших. Глеб спросил о лошадях. Ветеран ответил, что они тоже держат строй, пока не падают.

— Значит, семь дней и много мёртвых лошадей.

— Приказ можно очистить от прежних владельцев.

— Кто станет новым?

— Вы.

— Тогда он не очищен.

У конюшни раздался шум. Один из раненых, подобранных после нападения чёрных флагов, сорвался с нар. Кровь пошла из-под повязки на груди. Лекарь прижал ладонь к ране и покачал головой.

Митрофан подошёл к мужчине, узнал его имя и службу. Раненого звали Филиппом. Он стоял на нижней башне.

Ветеран коснулся его лба древком.

— Приказ Безымянного полка. Встать и дойти до лекарской избы.

Филипп перестал задыхаться, поднялся и пошёл через двор. У двери он остановился. Рана разошлась, кровь пошла быстрее, но тело удержалось на ногах.

Лекарь велел ему лечь. Митрофан объяснил, что приказ закончится после осмотра. Глеб спросил Филиппа, хочет ли тот стоять. Раненый едва выговорил, что хочет лечь.

— Приказ выполнен, — сказал Глеб.

Знамя не ответило. Завершить задачу мог только командир полка, а Митрофан оставался хранителем. Он разрезал старую строку ножом. Филипп рухнул на руки лекаря.

— Без приказа он умер бы во дворе, — сказал ветеран.

— А с приказом мог умереть на ногах, потому что вы не имели права его отпустить.

Митрофан предложил передать командование Глебу. Он напомнил, что старый приказ вывел сотни раненых из окружения и удержал переправу, когда обычные отряды бежали. Ветеран не скрывал цену, но считал её меньшей, чем смерть без приказа. Глеб не спорил с прошлой победой. Он отказался владеть людьми после неё.

Во дворе заговорили громче. Оружейники обвиняли Безымянный полк в подчинении мёртвых. Люди Митрофана отвечали, что Семь Клинков делают каждого спасённого слугой мастера.

Лян Ци поднял руку.

— Через час загорится западная конюшня. Поджигатель стоит у водяной бочки.

У бочки находился молодой посадский Игнат. Его жена погибла при затоплении. Стражники Цао схватили его и нашли под полой трут с пузырьком масла.

Лян Ци потребовал внести Игната в превентивный список и оставить под стражей до рассвета. Игнат кричал, что ещё ничего не сделал.

— Твоя причина уже стала действием, — ответил бывший служитель Ордена.

Глеб забрал масло. Трут был готов к огню. Игнат признался, что хотел напугать древних и рассчитывал на быстрый пожар без жертв. Его жена погибла в нижнем посаде, а Юнь-Су он видел рядом с теми, кого считал виновными в затоплении. Он не знал, что в конюшне лежат раненые и что среди них находился русский стрелец, который вытаскивал дочь Игната из воды.

— Теперь знаешь, — сказал Глеб.

Он велел записать найденные вещи и признание, но не будущий поступок. Игнат должен был носить воду лекарю. Юнь-Су забрала у него нож, и он отдал оружие без приказа.

Лян Ци предупредил, что крепость рискует людьми ради права одного человека ошибиться.

— Ваш Орден убивал раньше ошибки. Я помню цену.

— Конюшня всё же не загорелась.

— Вы назвали угрозу. На этом помощь закончилась.

Цао Вэньгуан раскрыл судебный акт. На первой странице стояла категория «сторона общего разбирательства». Он попросил привести Шао-Кэ.

У древнего гноилась рана от пули. Лекарь не выдавал ему чистого холста, пока у людей оставались тяжёлые больные. Цао провёл печатью по бумаге и признал Шао-Кэ участником суда. Караульная доска приняла имя, после чего писарь выдал повязку. Холст сняли с полки, где оставалось три свёртка. Лекарь отрезал необходимую полосу и предупредил, что следую-

щему тяжёлому раненому придётся использовать кипячёную ветошь. Судебная категория не создала запасов, а только изменила очередь.

— Вчера я был просителем. Сегодня стал лицом? — спросил Шао-Кэ.

— Суд вернул категорию, — ответил Цао. — Так можно отделить разумных древних от опасных существ.

— Кто будет отделять? — спросила Ли.

Она стояла у входа в зал совета. Правая ладонь была перевязана, а строка срока проступала сквозь ткань.

Цао предложил коллегия из трёх сторон, назначенных правителями. Ли заметила, что тогда прежний круг замкнётся до первого решения.

Чиновник указал на Шао-Кэ: без категории тот не получил бы лечения. У лекарской избы в это время заплакала женщина. Её неназванный сын не прошёл по новой записи, и писарь снова закрыл сундук.

Ли отдала женщине свой шарф.

— Суд спас одного и опять сделал остальных вещами.

— Категории можно расширить.

— Кто получит последнее слово?

— Восстановленный Трибунал.

Глеб посмотрел на карту. Четыре решения отличались знаком и языком, но каждое требовало владельца. Оружейники нуждались в хозяине клинка. Безымянный полк — в командире. Список подчинялся тому, кто присваивал будущее, а суд возвращал одному учреждению право определять, кого защищать. Каждое спасение работало до тех пор, пока спасённый не просил остановиться.

— Мы не выбираем победителя, — сказал Глеб.

Хоу спросил, какой силой он откроет перевал. Глеб назвал людей, топоры и обычный порох. Митрофан усмехнулся: они идут к основаниям старого мира с топором.

— Топор хотя бы не требует присяги от дерева.

Данила кашлянул, пряча улыбку.

Глеб указал на короткий путь. Ему требовались проводники, сведения о заставах и люди, согласные на общее командование до первой заставы. После неё решение следовало пересмотреть. Ни один отряд не получал исключительного права вести остальных.

— Без постоянного начальника колонна развалится, — сказал Хоу. — Я проведу всех до перевала и после верну людям прежние обязанности.

— Оружейников надо подчинить полковому приказу, — возразил Митрофан. — Иначе пластины сменят владельца в первом бою.

Лян Ци соглашался проверять обе стороны своим списком, но право задерживать отмеченных оставлял за собой. Цао обещал узаконить временный порядок при условии, что последнее решение будет принадлежать суду.

— Тогда не идите.

— Вы отказываетесь от оружия, способного сохранить обоз.

— Я отказываюсь отдавать обоз оружию.

Митрофан выбрал отдельную дорогу. Лян Ци решил идти впереди со своим списком. Цао объявил путь через военные станции государственной дорогой. За несколько минут единый поход превратился в четыре колонны, и каждая потребовала корм.

Данила снова пересчитал бирки.

— Если дать всем, наши лошади будут есть обещания.

Запас разделили по числу людей. Отряду Глеба оставались шесть саней и тридцать два человека. Данила снял с двух повозок лишние щиты и велел оставить железную походную печь. Обозные возмутились: без неё придётся спать у открытого огня. Сотник ответил, что

печь весит столько же, сколько корм для одной лошади на два дня, а замёрзший человек всё ещё легче павшей кобылы.

Ли смотрела на раненых у избы. Филипп оставался жив, хотя лекарь не обещал утра. Шао-Кэ получил повязку. Игнат носил воду и не отходил от двери. Старые решения спасли троих, и это мешало отвергнуть их без сомнений.

— Временное принуждение могло бы вывести обоз через перевал, — сказала Ли.

— Ты предлагаешь взять полк?

— Я называю цену отказа. Здесь не все доживут до весны.

— Знаю.

— Ты боишься единого владельца и заранее выбираешь слабость.

— А ты видишь раненых и начинаешь считать клетку лекарством.

Она посмотрела на перевязанную руку.

— Возможно.

Признание не примиряло их, но не давало спору превратиться в приговор.

Данила подвинул к Глебу две бирки. Он соглашался вести обычный обоз без знамён и наследственных приказов. До первой заставы Глеб определял путь, Данила отвечал за лошадей.

— После заставы? — спросил Глеб.

— Посмотрю, сколько твоих решений переживёт дорогу.

Они пожали руки.

К полудню отряд получил шесть саней, восемь запасных лошадей и двух проводников. Оружейники ушли к восточной заставе. Безымянный полк выбрал прямой тракт. Лян Ци повёл малую группу по деревням. Стражники Цао заняли государственную дорогу.

Глеб больше не мог остановить их одним приказом. Он сохранил выбор и получил несколько войн, идущих к одному перевалу.

Перед выходом Цао передал ему письмо, доставленное ночью. На воске стоял знак, который укрепил ворота. Ли узнала почерк прежде, чем Глеб сломал печать.

Чанфэн сообщал, что занял старое ядро договоров у архивного перевала. Ни одна колонна не пройдёт без его согласия. Ниже он предлагал Глебу и Ли два места в новой печати.

— Он ждёт ответа? — спросил Данила.

Глеб сложил письмо и убрал за пазуху. Чанфэн уже приготовил для них места.

Глава 7. Не должники

Лекарская комната Саввы сохранила запах уксуса и старых трав. Кровать вынесли к раненым, а на столе лежали его тетради, перевязанные потемневшим шнуром. Чэнь Цзыцзин прижал страницы медными чашками.

Ли положила правую руку на свёрнутый плащ. Пальцы дрожали. Строка срока отзывалась на старые знаки в комнате.

— Начнём с того, чего у нас нет, — сказал Цзыцзин.

— У нас нет правильного перевода.

— Я хотел сказать, что у нас нет чая.

— Это тоже мешает, но меньше.

Он подвинул к ней первую тетрадь. Савва писал на русском, переходил на степные знаки и добавлял китайские пояснения. Он не оставил готового решения, только места, где сам себе не поверил.

Ли раскрыла реестр Ао Хэйлиня. В нём были названы кровь Воронцов и рука клана Ли, но не Глеб Воронеж и не Ли Шэньюэ. В решении Трибунала их имена стояли среди ответственных свидетелей. В записях Саввы — среди возможных носителей действия.

Три документа давали им три разные роли. Цзыцзин показал старое степное слово: один переводчик назвал его наследником, судебный писец — поручителем. Савва дважды выбрал «вместилище», затем зачеркнул. Рядом осталась приписка: «Принимает чужое правило, но не наследует чужую вину».

Он сомневался в слове, а не в различии. Наследника можно было заставить платить за предка. Поручитель отвечал по собственной воле. Третья роль превращала человека в предмет, и именно она была удобнее владельцу.

Цзыцзин кивнул и нашёл вторую запись. В китайской версии знак обозначал руку писца, которой разрешено исправить чужой приказ. В русском переводе эта рука стала «родовым исполнителем». Степной переводчик назвал её «тем, кто завершает клятву».

Русский вариант возлагал на клан Ли обязанность закончить работу предков. Первый знак оставлял ответственность за тем, кто сформулировал приказ. Чанфэну был выгоден русский перевод, и занятие архивного ядра переставало быть простым захватом дороги.

Ли попыталась развернуть старую нефритовую пластину. Правой рукой она не удержала край. Пластина выскользнула и ударила по столу.

Цзыцзин поймал чашку с чернилами и нашёл предупреждение Саввы: «Рука клана примет запись, даже если человек откажется». Ли перечитала строку. Боль поднялась к локтю. Пластина узнавала родовой приказ и пыталась раскрыться через её тело. Повреждение не мешало условию, только делало цену заметнее.

— Держите левый край, — сказала она.

— А правый?

— Я удержу ремнём.

— Глебу это не понравится.

— Он сейчас проверяет обоз.

— Значит, ему не понравится позже.

Ли привязала запястье к деревянной планке. Цзыцзин помог развернуть пластину. На внутренней стороне проступили две группы знаков. Первая относилась к долгу, вторая — к аварийному действию при распаде договора.

Цзыцзин прочёл китайскую строку. Ли сверила её со степным переводом. Там, где один текст называл «принимającego несовместимые условия», другой говорил о «пустом месте

между двумя клятвами». Савва оставил рядом помету: «Не человек без прошлого. Человек, чьё имя не закреплено за одним владельцем».

Цзыцзин назвал Воронца, но Ли поправила: документ говорил о линии Воронцов. Пока запись разделяла человека и функцию, она не собиралась соединять их сама.

Она нашла вторую роль. Рука должна была переписать Мандат, когда прежние стороны перестанут признавать общий суд. Рядом стояло ограничение: действие возможно лишь при соединении с пустым носителем.

Цзыцзин тихо выдохнул.

Эти две функции готовили как пару. Это ещё не доказывало, что чужой замысел владел каждым их решением. Если забыть различие, они сами превратят себя в вещи.

Цзыцзин открыл последнюю тетрадь. Между страницами находился кусок упаковочной бумаги. На нём Савва записал одну фразу по-русски, затем повторил её на двух языках.

— «Если человек не должник, его нельзя назначить платой», — прочёл Цзыцзин.

Ли провела пальцем по строке.

Человека всё ещё можно было назначить инструментом, если ввести роль позже и скрыть её происхождение. Так с ними и поступили.

Она попросила Цзыцзина собрать документы в две группы. В первой оставались долги, возникшие из Первого договора. Во второй — поздние способы исполнения. Кровь Воронцов и рука клана Ли оказались только во второй.

Сходство записей ещё не доказывало, что дракон признаёт различие. Ли решила проверить вывод на действующей пограничной печати и посмотрела на наружную стену. Пограничный знак после падения Трибунала утратил прежние категории, но контур долга прошёл через него в первый день. Там можно было увидеть, что печать принимает от неё: плату или действие.

Цзыцзин завернул тетради в ткань. Ветер усилился. Если отложить проверку, архив могли потерять.

Они вышли на стену. Внизу темнел Амур. У берега плавали обломки пристани. Знак Чанфэна держал трещину на воротах и помечал створки как свою опору.

Глеб пришёл от обоза без плаща, с ремнём кормовых бирок через плечо. Он сообщил, что три пары саней готовы. Четвёртые скрипели при виде снега и считали себя лодкой, но Данила стянул треснувший полоз железом. После этого он спросил, что они нашли.

Ли не стала откладывать.

— Наши имена отсутствуют среди должников, потому что нас ввели в систему позже. Кровь Воронцов должна принимать несовместимые правила. Рука клана Ли — переписывать Мандат. Вместе это аварийная печать.

Глеб посмотрел на неё, потом на пластину.

— Кто её придумал?

— Пока неизвестно.

— Чанфэн?

— Он знает больше нас, но запись старше его нынешнего Мандата.

— Наша встреча тоже была записана?

— Возможно, готовили условия, при которых две функции встретятся. Это не доказывает, что каждый наш выбор назначили заранее.

— Но объясняет, почему нас столько лет толкали в одну сторону.

Спокойствие Чанфэна тревожило Ли: он не сомневался в обвинении.

— Я обещала называть цену до решения, — сказала она. — Поэтому говорю сейчас. Если вывод верен, наша добровольная смерть не погасит долг. Печать использует нас для чужого исполнения.

— Значит, умереть красиво снова не получится.

— Ты расстроен?

— Придётся жить некрасиво. Это сложнее.

Цзыцзин поставил на камень чашу с речной водой. Рядом положил копию реестра. Пограничный знак тянулся по стене белой полосой. В одном месте строка долга пересекала старый приказ гарнизона.

Ли сняла повязку. На ладони проступало число оставшихся восходов. Она коснулась строки долга каплей крови.

Печать оттолкнула её руку. Кровь не впиталась в камень, а собралась на поверхности. Строка срока вспыхнула болью, но долг не уменьшился.

— Повторите формулу, — сказала она Цзыцзину.

Он прочёл: Ли Шэньюэ добровольно принимает часть признанного долга человеческой стороны своей кровью.

Знак снова отказался. На камне появилась короткая поправка: «Не сторона возникновения долга».

Глеб присел рядом.

— Он не берёт плату?

— Не как погашение.

Ли перевернула ладонь и сформулировала иначе:

— Ли Шэньюэ разрешает использовать свою руку для записи способа ответа при сохранённом праве отказаться от самой формулировки.

Кровь ушла в камень. Белая полоса разошлась на две строки, освобождая место для нового текста. Правую кисть свело так, что ногти впились в ладонь.

Глеб поймал её за локоть.

— Достаточно.

— Ещё нужно проверить тебя.

— Можно поверить стене.

— Нельзя. Она уже служила трём владельцам за пять дней.

Цзыцзин подал Глебу чистую металлическую скобу. На ней не было знаков. Глеб прижал её к пограничной печати и повторил первую формулу: добровольно принять часть долга как наследник человеческой стороны.

Метка на его запястье похолодела, но камень не взял кровь. Строка ответила тем же: он не являлся стороной возникновения долга.

— Теперь вторая, — сказала Ли.

Глеб прочёл условие принятия несовместимых правил для временной проверки. Скоба потемнела. Старый приказ ворот и строка драконьего иска одновременно вошли в металл. Они не соединились, но перестали разрушать друг друга.

Глеб резко отпустил скобу.

— Память?

— На месте, — ответил он после паузы. — Проверка не требовала разрыва.

Печать признала его функцией, но не должником. Их тела подходили для аварийного механизма, а не для возмещения.

Над рекой поднялся Ао Хэйлинь. Он не приближался к стене, пока Юнь-Су не вышла на площадку и не назвала себя свидетелем разговора.

— Мы проверили реестр, — сказала Ли. — Первый договор не назначал нас гарантами.

— Не назначал.

— Люди создали эти роли позже?

— После того как наследственные владельцы утратили согласие древних. Им требовались два средства: принять несовместимое и переписать общий приказ.

Глеб указал на метку.

— Они могут расплатиться нами без нашего согласия?

— Нет.

— Даже если мы согласимся умереть?

— Ваша смерть не возвращает землю, имена или право на кровь. Она может запустить механизм, созданный вашими предками и кланом Ли. Это отдельное действие.

Ли спросила, признаёт ли Ао Хэйлинь право отказаться от такой роли.

— Первый договор не знает ваших функций. Я не могу требовать их исполнения. Но человеческие Мандаты могут попытаться.

— Чанфэн предлагает нам два места, — сказал Глеб.

— Он предлагает действующий способ остановить распад. Его способ не является выплатой долга.

Ао Хэйлинь отделял полезное решение от выплаты долга.

Цзыцзин раскрыл тетрадь Саввы и показал строку. Дракон прочёл её с расстояния.

— Этот человек понял различие.

— Он не успел доказать его, — сказала Ли.

— Доказательство сделано сейчас.

На чешуе появились новые записи. Рядом с именами Глеба и Ли стояло: «ответственные свидетели». Ниже проявилось другое обозначение — «элементы поздней аварийной печати». Смешать две роли теперь можно было лишь открытой подменой.

Глеб прислонился к стене.

— Значит, мы идём к архивному ядру.

— Сначала проверим назначение обеих функций, — сказала Ли. — Потом будем говорить с Чанфэном.

— Он контролирует перевал.

— Поэтому проверка опасна.

— Я думал, ты скажешь «необходима».

— Это одно и то же только для тебя.

Юнь-Су спросила, почему они не могут отказаться от пути и оставить спор другим. Ли посмотрела на строку срока. Ответ был записан, но теперь она понимала его предел точнее.

— Мы можем отказаться от аварийной печати, — сказала она. — Но остаёмся свидетелями иска.

Ао Хэйлинь опустил голову ближе к стене.

— Пока вы слушаете требование, срок сохраняется. Если оба покинете контур иска, исчезнете из свидетельства или публично откажетесь слышать ответ другой стороны, сто двадцать восходов прекратятся.

— Сколько останется? — спросил Глеб.

— Двенадцать.

— При заключении срока речь шла об уходе, — сказала Ли.

— Теперь вы доказали: отказ слушать тоже разрывает свидетельство. Поздние функции не делают вас должниками, но роль свидетелей вы приняли сами.

Строка на ладони Ли изменилась. Рядом с числом восходов появился знак открытого слушания. Боль прошла по пальцам, подтверждая новое прочтение.

Глеб посмотрел на ворота, где знак Чанфэна удерживал камень и ждал ответа. Архивный путь принадлежал человеку, который знал назначение их тел. Остаться в крепости значило потерять время, а уйти из спора — сократить его до двенадцати суток.

Ли собрала тетради Саввы и закрепила пластину на ремне. До рассвета нужно было проверить обоз, подготовить копии и выбрать дорогу, которую Чанфэн уже считал своей.

Они не были должниками. Именно поэтому старая система приготовила их как способ взыскать долг с остальных.

Часть II. Война прежних правд

Глава 8. Дорога без общей границы

На шестой день срока обоз вышел из крепости до рассвета. Лошади тянули сани по прихваченному морозом тракту, но под снегом ещё держалась вода, и каждый полоз оставлял тёмную борозду.

Глеб ехал впереди первой повозки. За ним двигались люди Данилы, несколько древних под поручительством и два писаря с копиями реестра. Ли сидела на санях возле ящика с бумагами. Правую руку она прятала под меховым рукавом, однако при каждом дорожном знаке пальцы начинали дрожать.

До первой почтовой заставы добрались к вечеру второго дня. Деревянная стена стояла поперёк тракта, а над воротами висели три доски с приказами. Русская печать разрешала вход служилым людям. Имперский знак признавал только посольские документы. Степная запись пропускала тех, кто платил за воду и корм.

Ни один приказ не признавал весь обоз.

Начальник заставы вышел к воротам в тулупе поверх доспеха. Его звали Гаврила Нечай. Он долго изучал бумаги, хотя держал их вверх ногами.

— Пропуска нет, — сказал он. — После падения Трибунала старые грамоты действуют только для записанных категорий.

— Запиши новые, — предложил Глеб.

— Не имею права.

— А закрыть дорогу имеешь?

— Имею приказ.

Данила сплюнул в снег.

— От кого?

Гаврила показал на три доски.

— От всех.

— Тогда открой три раза, — сказал Глеб.

Начальник не улыбнулся. За его спиной солдаты держали фитили под плащами. На стене стояли два стрелка, но смотрели они не на обоз, а во двор.

Глеб заметил пустые верёвки возле колодца. Обычно там сушили вёдра и конскую сбрую. Сейчас всё убрали. Из трубы казармы не шёл дым, хотя мороз крепчал. У задней калитки виднелись следы саней, ушедших в лес.

— Где семьи? — спросил он.

Гаврила положил руку на саблю.

— Какие семьи?

— Ваши. Женщины, дети. Даже собаку вывели.

Из-за стены донёсся лай. Начальник обернулся раньше, чем успел скрыть реакцию.

Глеб посмотрел на Данилу.

— Засада внутри.

— Сколько людей?

— Если семьи вывели ночью, значит, ждут боя. И хотят, чтобы мы вошли первыми.

Гаврила приказал отряду остановиться у дорожного столба. Он обещал проверить документы утром. Корм для лошадей продавать отказался: запас принадлежал государству.

Данила подошёл ближе.

— До утра наши кони съедят последний овёс.

— Это не моя забота.

— Станет вашей, когда они лягут перед воротами.

— Убирайте их с дороги.

За стеной скрипнула тетива. Глеб увидел движение между брёвнами и шагнул в сторону. Стрела вошла в сани возле ящика Ли.

Данила поднял щит.

— Проверка закончилась.

Солдаты Гаврилы захлопнули ворота. Над створками вспыхнули три приказа. Каждый признал два других нарушением. Дерево застонало под печатями, но удержалось.

Глеб отвёл людей за повозки. Заставу можно было штурмовать. Стена была низкой, ворота старые. Две пушки на последних санях пробili бы створки с первого выстрела. После этого пришлось бы брать двор, где ждали стрелки, а огонь мог добраться до конюшни и запасов.

— Пушки готовить? — спросил Данила.

— Нет.

— Они для чего с нами идут?

— Чтобы ты чаще об этом спрашивал.

Ли спустилась с саней и посмотрела на печати ворот.

— Внутри три несовместимых приказа. Если один разрушить, два других объявят двор каждый своим.

— Значит, штурм подарит заставу тому, чей знак переживёт бой.

— И закроет дорогу остальным.

Данила нахмурился.

— Предлагаете стоять до весны?

Глеб пошёл вдоль стены. Изгородь тянулась к болоту, где строители заставы поставили частокол на промёрзших кочках. За оградой лежали сложенные жерди. Их хватило бы на настил.

— Разберём изгородь.

— Это государственное имущество, — сказал писарь Ефим.

— Запишешь долг.

— Кому?

— Тому, кто вернётся за забором.

Люди сняли первые жерди под прикрытием щитов. Стрелки со стены не могли достать их за выступом. Когда Гаврила понял замысел, он велел открыть боковую калитку. Пятеро солдат вышли к болоту, но Данила поставил своих между ними и обозом.

— Мы не берём заставу, — сказал он. — Мы берём дорогу рядом.

— Дорога проходит через ворота.

— Теперь будет две.

Солдаты не решились напасть без приказа, а Гаврила не хотел начинать бой вне печатей заставы. Пока он спорил с писарями, люди разобрали двадцать шагов изгороди и уложили жерди на снег.

Первые сани пошли по новому пути. Болото держало лёгких людей, но тяжёлая пушка продавила настил. Полозья ушли в серую воду, лошади задёргались.

— Назад! — крикнул Данила.

Сани не двигались. Вес словно вырос вдвое.

Ли подошла к краю настила. Под водой проступила старая линия границы. Её поставили ещё до заставы, когда местный реестр делил груз на признанный и бесхозный. После падения Трибунала знак сохранил последнее толкование.

— Пушка принадлежит гарнизону, которого здесь нет, — сказала она. — Для линии это неопределённый груз.

— А зерно? — спросил Глеб.

— Часть записана на крепость, часть на степные общины. Печать будет решать каждый мешок отдельно.

Данила посмотрел на болото.

— Пока она решает, мы утонем.

Глеб велел снять пушку с саней. Двенадцать человек подхватили ствол на ремнях. Стоило им поднять его, ноги провалились глубже. Знак видел оружие, но не признавал носителей одной стороной.

Юнь-Су подошла к ремню.

— Если я возьму, станет хуже?

— Для этой границы вы груз, — ответила Ли.

— Удобный закон.

Глеб снял с первых саней мешок зерна и передал его Шао-Кэ.

— Это корм русской крепости. Несёшь ты.

Шао-Кэ взвалил мешок на плечо. Белая строка под водой дёрнулась. Глеб отдал Юнь-Су ящик с имперскими бумагами, а русскому стрелку — связку степных дорожных бирок. Данила заставил оружейного мастера нести мешок, записанный на посадскую семью.

— Что вы делаете? — спросил Ефим.

— Путаем печать честнее, чем она путает нас.

Ли поняла первой.

— Не путать. Связать ответственность. Каждый несёт груз другой стороны и называет, за кого отвечает.

Глеб поднял дорожную книгу.

— Говорите вслух. Чья вещь, куда несёте и когда вернёте.

Шао-Кэ назвал крепость и обещал донести зерно до твёрдой земли. Русский стрелец принял бирки рода Эргэ до конца болота. Юнь-Су назвала имперского писаря, которому вернёт ящик после перехода.

Печать перестала утяжелять их шаги. Она не могла признать груз бесхозным, пока его нёс человек, открыто принявший обязанность перед другой стороной.

— Пушку тоже так? — спросил Данила.

— Кто возьмёт ответственность за неё? — ответил Глеб.

Молчание затянулось. Пушка принадлежала крепости, которая лишила Глеба поддержки. Если она убьёт людей на дороге, отвечать придётся тому, кто признал её своей.

Данила положил ладонь на ствол.

— До перевала отвечаю я.

Ли посмотрела на него.

— Вы уверены?

— Нет. Но пушка от этого легче не станет.

Он назвал себя поручителем. Знак принял слова, но настил всё равно прогнулся. Людей не хватало. Пришлось выгрузить ядра и порох.

Первую пушку вытащили. Вторая ушла глубже после трёх шагов. Лошадь сорвалась с жердей, повредила ногу и легла в воду. Данила перерезал постромки, однако сани продолжали тянуть её вниз.

Глеб вошёл в болото по колено и ухватил кобылу за недоуздок. Шао-Кэ с двумя солдатами помогли вытянуть животное. Пушка осталась под водой.

— Вторую бросаем, — сказал Глеб.

— Её можно достать, — возразил Данила.

— Потратим день и корм.

— Без неё у нас одна тяжёлая пищаль на четыре колонны.

— У остальных свои владельцы. Пусть защищают себя.

Данила посмотрел на утонувший лафет.

— Удобно рассуждать, когда не ты отвечаешь за обоз.

— Поэтому решай ты. Пушка или лошади.

Сотник выругался и приказал рубить крепления. Ствол скатился с саней и исчез в воде. На месте остался круг тёмной жижи.

Переход занял до ночи. Каждый мешок приходилось передавать другому носителю. Печать принимала только названное поручительство. Люди устали повторять условия и начали сокращать их. После первой ошибки сани с мукой провалились до осей.

Ли заставила вернуть полную запись. Нужно было назвать владельца, обязанность и конец пути. Без одного условия знак считал поручительство пустым.

— Болото грамотнее половины приказных изб, — сказал Данила.

— И требует меньше взяток, — ответил Ефим.

Когда последние сани вышли на твёрдую землю, люди пересчитали припасы. Два мешка овса промокли. Ещё один разорвался, пока его передавали между Шао-Кэ и русским стрелком. Несколько узлов с кормом пришлось бросить вместе с пушкой.

Не стало половины фуража.

Данила бросил мокрую бирку к ногам Глеба.

— Штурм заставы стоил бы нам пороха. Твой обход стоил корма.

— И людей?

— Пока ни одного.

— Значит, дешевле.

— Через три дня спроси лошадей.

Спор не был враждой. Данила считал потери тем, что придётся везти дальше. Глеб отвечал за принятое сейчас решение. Оба понимали, что без фуража правота долго не проживёт.

Застава осталась за болотом. Гаврила не преследовал их. Стрелки снялись со стены и вернулись во двор, когда стало ясно, что бой не состоится.

Глеб велел разбить короткий лагерь. Лошади получили по половине обычной меры. Данила нашёл у покинутого заднего двора запасной амбар. Семьи заставы вывезли одежду, но оставили шесть мешков зерна и две бочки сушёной травы.

— Берём, — сказал сотник.

— Под расписку.

— Они стреляли в нас.

— Стрелял гарнизон. Зерно собирали жители.

Ефим составил запись: сколько взяли, для какого обоза и кто отвечает за возврат. Глеб поставил знак. Данила добавил свой, потому что корм шёл его лошадям.

— Теперь мы должны людям, которые устроили засаду, — сказал он.

— Семьям, которых вывели до неё.

— Ты уверен, что они вернутся?

— Нет. Поэтому бумага останется на двери.

Ли закрепила расписку воском и прикрыла доской от снега. Строка срока на её ладони отозвалась на местную печать, но не усилилась. Здесь они не ломали правило, а оставляли новое обязательство рядом со старым.

На третий день пути тракт сузился между лесом и замёрзшим болотом. Дальше начинался подъём к Большому Хингану. Тяжёлые сани отставали. После пересчёта Данила потребовал оставить последнюю пушку.

— Вчера ты хотел спасти обе, — напомнил Глеб.

— Вчера у нас был корм на обе.

Орудие сняли у дорожного столба. Ствол накрыли промасленной тканью, колёса подняли на камни. Ефим записал место и владельца. Военная сила отряда уменьшилась, зато двое саней освободились под зерно.

Глеб осмотрел столб. На лицевой стороне старый знак указывал путь к заставе. Сбоку сохранилась метка болотного обхода, почти стёртая. Она не могла быть причиной свежего настила: жерди они уложили сами.

Он провёл рукой по внутренней стороне и почувствовал новый надрез. Под снегом был знак Чанфэна.

Ли подошла и сняла перчатку с левой руки. Она прочитала условие: дорога открывается тем, кто принимает чужой груз без права присвоить его. Знак не создавал проход, но удерживал старую линию границы в состоянии, при котором взаимное поручительство могло сработать.

— Он подготовил обход, — сказал Глеб.

— Не сам настил. Возможность.

— Знал, что через ворота нас не пропустят.

— Или сделал так, чтобы не пропустили.

Данила посмотрел назад, туда, где за лесом скрылась застава.

— Выходит, мы отказались идти по дороге Чанфэна и всё равно пошли по его дороге.

Глеб стёр снег со знака. Надрез был свежим. Брат Ли побывал здесь раньше них или отправил мастера, способного повторить его почерк.

Обоз двинулся к перевалу. Люди сохранили право выбрать, кому помогать, но сам выбор им оставили в месте, которое Чанфэн подготовил заранее.

Глава 9. Имя, выбравшее сторону

Лесной узел остановил обоз одним именем. На пограничном камне проступила старая запись, и полоз первых саней примёрз к дороге. Лошадь дёрнула постромки, но повозка только глубже вошла в снег.

Ли спустилась на тракт. На камне было вырезано: «Лесная стража». Люди много лет ставили это название в дорожные книги, когда не хотели разбираться, кто жил у подножия Большого Хингана. Теперь знак считал весь лес одним служилым существом и ждал приказа его владельца.

Юнь-Су коснулась сосны. Из-за деревьев ответили три удара, и к дороге вышли древние.

За деревьями стоял лагерь союзников Ао Хэйлиня. Одни древние грели камни у костров, другие держались в снегу и не приближались к огню. Общего караула у них не было. Каждая группа стерегла свою тропу, поэтому просьба о проходе могла открыть одну дорогу и закрыть соседнюю.

Первая напоминала высокую женщину в плаще из серых перьев. Из волос поднимались короткие рога, на шее висела медная дощечка без надписи. Второй был ниже человека и опирался на длинный посох. Спину закрывали каменные пластины. Третий шёл на четырёх лапах, но у границы поднялся. На морде белел рубец, запястья стягивали кольца запретительной печати.

— Они требуют стереть служебное имя, — сказала Юнь-Су. — После этого узел откроет путь.

— Вместе с именем исчезнут обязанности.

Хищник показал клыки.

— Человеческие обязанности нас не интересуют.

Кольца на его руках потемнели. Ли заметила это и не стала подходить к камню.

Глеб остановил обоз в двадцати шагах. Данила велел разгружать только корм на ночь. Лошади не могли задержаться здесь дольше: под снегом не осталось травы.

Ли приказала Ефиму принести дорожный реестр и жаровню. Молодой писарь поставил доску на перевёрнутое ведро. Чернила в чашке схватились льдом по краям.

— Писать будем медленно, — предупредил он.

— Ошибаться тоже.

Юнь-Су попросила древних назвать себя так, как они хотят войти в общий суд.

Первая сняла дощечку.

— Мэй-Шу. Я храню зимние тропы и отвечаю за тех, кого провожу.

Каменный древний ударил посохом.

— Тар-Эн. Я отвечаю за родник под восточным склоном.

Хищник коснулся кольца.

— Кэ-Тан. Моё имя принадлежит мне. Остальное придумали люди.

Под общим названием скрывались три условия. Мэй-Шу обязана была выводить путников после принятой платы. Тар-Эн поддерживал родник, пока люди не перекрывали русло. Третья строка запрещала Лесной страже охотиться на людей вдоль тракта.

Если стереть запись целиком, исчезнут все обязанности. Мэй-Шу потеряет право закрывать опасную тропу. Тар-Эн не сможет требовать освобождения воды. Кэ-Тан выйдет из запрета.

— Почему вы не сказали о последней строке? — спросила Ли.

Мэй-Шу посмотрела на хищника.

— Он считает запрет общим и потому незаконным для каждого из нас.

— Для вас двоих — да. Для него нужно установить основание.

Кэ-Тан шагнул к камню. Печать остановила его, снег под лапами разошёлся.

— Люди лишили нас имён. Теперь человек решает, какое условие оставить?

— Я верну имя вместе с личной ответственностью.

— Сначаланими кольца.

— Сначала назови, за что их надели.

Хищник опустил на четыре лапы. Мэй-Шу отвела взгляд.

Юнь-Су объяснила: Кэ-Тан убивал охотников. Люди поставили запрет после гибели двенадцати человек у старого тракта. Сам хищник признавал семь смертей и утверждал, что охотники до этого сожгли гнёзда его рода. Человеческий суд не записал погибших древних и связал всех местных одним приказом.

Ли нашла в копии реестра отметку о нападении. Имена отсутствовали, причину запрета писарь сократил до слов «ради безопасности».

Данила заметил, что для мёртвых разница между семью и двенадцатью мала. Ли ответила: для обвинения она решающая. Трое могли умереть от холода после бегства, двое пропали. Запрет не должен превращать спорные смерти в доказанные убийства.

Кэ-Тан перестал тянуться к камню.

Ли предложила разделить служебное имя на личные записи. Мэй-Шу согласилась, если сохранит право закрывать тропу во время разлива. Тар-Эн потребовал открыть родник и разрешить ему не давать воду вооружённому отряду.

— А я требую снять запрет, — сказал Кэ-Тан.

— Нет. Вы получите имя и право оспорить обвинение. До суда запрет действует лично для вас.

— Значит, свободу получают только послушные?

— Имя возвращает право отвечать. Оно не стирает поступок.

Юнь-Су поддержала условие. Кэ-Тан обвинил её в переходе на сторону людей.

— Я выбрала сторону собственного имени, — ответила она. — Оно позволяет мне обвинять и отвечать. Общее название отнимало оба права.

Ли попросила Мэй-Шу участвовать в первом взаимном слушании. Та отказалась говорить за всех древних, но согласилась свидетельствовать о своём узле, если её запишут под выбранным именем и обеспечат дорогу.

— Это будет сделано, — сказала Ли.

Кэ-Тан рассмеялся.

— Мне тоже дадут охрану?

— До суда. Даже от тех, кто захочет убить вас раньше решения.

Данила нахмурился. Ему не нравилась обязанность сопровождать хищника, которому запрещено охотиться на людей. Глеб напомнил, что поручительство нужно именно там, где доверия нет.

— У тебя одно уже на древних крепости, — сказал сотник.

— Второе положим рядом.

Кэ-Тан не просил защиты, но люди с чёрными флагами могли решить спор стрелой. Союзники Ао Хэйлиня тоже не отвечали за человеческие заставы. Хищник промолчал.

Ли потребовала, чтобы право явки действовало в обе стороны. Если человеческий свидетель обвинит Кэ-Тана, обвинитель обязан прийти и подтвердить слова. Если древний предъявит погибших своего рода, людская сторона не сможет сослаться на закрытый тракт. Мэй-Шу согласилась провести первого свидетеля через лес. Так дорога становилась частью суда, а не милостью хранителя.

Ли поставила нефритовую пластину рядом с пограничным камнем. Служебное имя следовало раскрыть, не разрушая условий. Она закрепила кисть ремнём на правой руке и провела первую черту.

Боль пришла до касания бумаги. Строка срока вспыхнула на ладони, кисть ушла в сторону. Знак получился шире нужного.

Ли стёрла его снегом и велела подогреть тушь.

— Она либо замерзает, либо варится, — сообщил Ефим.

— Найдите середину.

— Я писарь.

— Сегодня этого мало.

Вторая попытка тоже сорвалась. Правая рука не удержала нужный нажим. Черта оборвалась, пограничный знак ответил рывком, и сани за спиной просели в снег. Общее имя пыталось втянуть обоз в прежнюю запись.

Глеб придержал доску.

— Остановись и диктуй.

Ли посмотрела на Ефима. Он понял и побледнел.

— Я не знаю родовой формы.

— Буду называть каждый нажим. Ошибку исправим до закрепления.

Её раздражало само решение. Раньше чужая рука означала задержку и новую цену. Теперь самым ненадёжным местом стала её собственная ладонь.

Она передала кисть Ефиму. Тот писал медленно, пока Ли диктовала положение каждой черты. Мэй-Шу повторяла выбранное имя, а Юнь-Су подтверждала произношение.

Когда запись закрылась, служебное название потеряло первую обязанность. На медной дощечке появилось имя Мэй-Шу. Пограничный камень признал её проводницей по согласию, а не по людскому приказу.

Тар-Эн подошёл вторым. Его запись связывалась с родником. Ли сохранила обязанность поддерживать воду лишь при условии, что люди откроют русло. Ефим едва не соединил эту строку с соседней.

— Поднимите кисть.

— Она тянется.

Старое имя пыталось сохранить общую службу. Ли прижала левую ладонь к пластине, а Ефим снял лишнюю каплю о край чашки. Она упала в снег. Тар-Эн ударил посохом, и под камнем прошла вода. Его имя проступило рядом с условием родника.

Кэ-Тан не подошёл.

— Моё имя без запрета.

— Тогда останетесь вне реестра. Проход не откроется.

— Вы нуждаетесь в дороге больше меня.

— Да. Но вашу ответственность я не сотру ради удобства.

Корма оставалось мало, а другой путь задержал бы обоз. Хищник видел их положение. Мэй-Шу напомнила ему, что при сохранении общего имени она и Тар-Эн останутся связанными его желанием охотиться.

Кэ-Тан ударил кольцами друг о друга.

— Семь смертей. Не двенадцать.

— Запишем семь признанных нападений и пять спорных исходов. Причина будет рассмотрена отдельно. Запрет действует до суда.

— После него я получу право охотиться?

— Суд может снять запрет, изменить или оставить. Я не обещаю решение заранее.

Хищник подошёл к пластине и назвал себя. Ефим вывел первую часть, затем пальцы писаря перестали слушаться. Кисть стукнула по доске.

Ли растёрла Ефиму руку левой ладонью. Данила отдал одну рукавицу и заметил, что их служба всё-таки стала общей. Через несколько мгновений писарь закончил имя.

Затем она продиктовала отдельный запрет. Она назвала Кэ-Тана лично, указала признанные смерти и связала условие с будущим слушанием. В запись вошло его право оспорить число жертв. Рядом появилось обязательство человеческой стороны обеспечить явку.

Пластина приняла формулу. Кольца разошлись и стали свободными браслетами. Они больше не связывали Мэй-Шу и Тар-Эна, но на запястье Кэ-Тана осталась личная строка.

— Я свободен от служебного имени, — сказал он.

— И отвечаете под своим.

Кэ-Тан коснулся записи когтем. Знак не оттолкнул его. Теперь он мог возражать внутри документа, а не только рвать его снаружи.

Когда личная строка закрепилась, общий знак на камне треснул по трём прежним соединениям. Он не исчез: каждая часть перешла к своему имени. Ли проверила края пластин. Ни одна обязанность не осталась без владельца, но теперь владелец мог назвать отказ или потребовать исполнения встречного условия.

Пограничный камень открыл проход. Снег между соснами осел, показав старую дорогу. Мэй-Шу назвала себя проводницей до северного склона и приняла ответственность за обоз на этом участке.

Глеб велел готовить сани. Данила пересчитал овёс: спор обошёлся в одну меру на каждую лошадь.

— Зато без штурма, — сказал Глеб.

— Скоро всё будет без штурма и без лошадей.

Ефим сушил запись у жаровни. Ли проверила каждую черту. Почерк отличался от её руки: в двух местах нажим был слабее, одна линия шла выше. Формула держалась.

— Ошибка? — спросил писарь.

— Нет.

— Тогда почему вы хотите переписать?

Ли свернула лист.

— Потому что это не мой почерк. Но переписывать не буду.

Глеб услышал и забрал у неё тяжёлую пластину. Он не спросил, справится ли она сама.

Перед выходом Мэй-Шу поставила имя под приглашением на суд. Тар-Эн отказался покидать родник, однако разрешил использовать запись как свидетельство. Кэ-Тан потребовал копию обвинения и дату. Пока её не назначили, он оставался в лесу под личным запретом.

Глеб проверил новое поручительство на дорожной доске. Возле его имени появилась строка: защищать явку обвиняемого, но не препятствовать законному задержанию после решения. Он прочёл её дважды и попросил Ефима сделать копию. Одного листа для такой обязанности он не считал достаточным.

— Если люди попытаются убить меня до слушания, ваша сторона нарушит запись.

— Поэтому о суде узнают обе стороны, — сказала Ли.

— Бумага не останавливает стрелу.

— Но сохраняет имя стрелка.

Хищник признал ответ наклоном головы.

Обоз двинулся по открытой дороге. Мэй-Шу шла впереди и проверяла снег посохом Тар-Эна. Юнь-Су осталась рядом с Ли.

— Сегодня ты говорила не как наследница клана.

— Как писарь с плохой рукой?

— Как человек, который позволил другому закончить условие.

Ли посмотрела на Ефима. Он ехал на последних санях и грел пальцы о котелок. Вместе с частью работы ему досталась и часть знания. Её рука не стала сильнее, зато запись больше не зависела только от неё.

На северном склоне Мэй-Шу остановила обоз. Между деревьями виднелись следы строя. Снег был утоптан сотнями одинаковых шагов. На сосне висела полоса выцветшей ткани Безымянного полка.

Проводница сообщила, что дальше по дороге люди разыскивают бывших солдат и зовут их вернуться под приказ. Они произносят согласие вслух.

Ли вспомнила Филиппа, который просил лечь, пока старый приказ держал его на ногах.

— Что им обещают? — спросил Глеб.

— Что никто больше не останется слабым и одиноким. Они называют это добровольным возвращением к службе.

Дорога открылась, но впереди люди снова входили в приказ по собственному выбору. На этот раз предстояло выяснить, осталось ли у них право выйти обратно.

Глава 10. Оружие мира

Горная кузница встретила обоз закрытым мостом. Над ущельем висел дым, а на середине пролёта стояли трое оружейников с короткими копьями. За их спинами ворота мастерской были стянуты железной цепью и печатью Семи Клинков.

Передние сани остановились у обрыва. Левый полоз треснул ещё на подъёме и теперь держался на железной скобе Данилы. До следующей стоянки он не дожил бы.

Глеб спешил и посмотрел вниз. Река под мостом замёрзла не полностью. Между камнями шла чёрная вода. Сбросить туда сани означало лишиться половины зерна.

— Нам нужен кузнец, — сказал он.

Старший оружейник Ло Вэй опёр копье о настил.

— Кузнец работает для тех, кто признаёт власть Семи Клинков на этом пути.

— Тогда нам нужен кузнец с плохой памятью.

— Внизу нет другого.

Данила постучал сапогом по скобе.

— Через два перехода сани станут лодкой. Лошадь пока не согласна.

Ло Вэй потребовал оставить оружие у столба и передать ему командование до перевала. Взамен обещал новый полоз, железо и ночлег в кузнице.

Глеб показал на копье.

— Вы боитесь нашего оружия, но хотите командовать им.

— Я боюсь людей, которые не понимают, что несут.

— Это взаимно.

Ли подошла к краю моста. Строка срока на её ладони проступила под повязкой. На воротах кузницы она увидела знакомый знак Белого Пороха и остановилась.

— Здесь хранят старые заряды.

Ло Вэй не стал отрицать.

— Они удерживают горный узел. После падения Трибунала он просыпается каждую ночь.

— Порох гасит условия?

— Он очищает место от чужих приказов.

За воротами раздался стон. Двое мастеров вывели связанного древнего. Его тело покрывали короткие бурые перья, а левое крыло было пробито стрелой. Цепь шла от шеи к каменному столбу. На звеньях держалась печать захвата.

Рядом шёл лекарь. Он поддерживал пленника и обещал после испытания перевязать рану.

— Зачем он вам? — спросил Глеб.

— Напал на обоз оружейников, — ответил Ло Вэй. — На нём покажем, что заряд не убивает.

Древний назвал себя Хэ-Ло и потребовал суда. Ло Вэй сказал, что суд будет после перевала, а пока отряд должен убедиться в безопасности оружия.

Мастер вынес глиняную трубку длиной с ладонь, поставил её у столба и велел всем отойти.

Глеб не двинулся.

— Сначала назовите цену.

— Цепь исчезнет. Старый узел под ней погаснет. Человек или древний останется жив.

— Что ещё?

— Ничего, что имеет значение.

Ли посмотрела на лекаря.

— Повторите своё обещание.

Тот раздражённо поправил шапку.

— Перевяжу крыло после испытания и не оставлю раненого, пока жар не спадёт.

Ли велела Ефиму записать слова. Писарь достал дощечку, но Ло Вэй махнул рукой.

— Порох не различает добровольное обещание и приказ.

Он поджёт фитиль. Вспышка была белой и короткой. Звука почти не было, только воздух толкнул людей в грудь.

Цепь на Хэ-Ло осыпалась серым порошком. Знак захвата исчез со столба. Вместе с ним погасла дорожная печать на воротах и строка поручительства возле имени Глеба. Древний расправил здоровое крыло, сделал шаг и упал на колено.

Лекарь посмотрел на него, развернулся и пошёл к кузнице.

— Стойте, — сказал Глеб.

— У меня работа.

— Вы обещали перевязать рану.

Лекарь нахмурился, словно слышал о чужом деле.

— Ничего я не обещал.

Ефим поднял дощечку. Запись сохранилась на дереве, но печать свидетеля исчезла. Лекарь прочёл собственные слова и пожал плечами.

— Я мог передумать.

Хэ-Ло попытался дотянуться до упавшей повязки. Пальцы не слушались.

Глеб поднял ткань и бросил лекаря.

— Перевязывайте.

— На каком основании?

— На том, что я стою ближе к вам, чем дверь.

Лекарь выругался, но вернулся к пленнику. Ли присела у погасшего столба. Белая пыль лежала на снегу кругом в четыре шага. Внутри круга исчезли и приказ захвата, и добровольное обещание. Порох не различал, откуда пришло условие.

Ло Вэй велел готовить второй заряд. Он хотел погасить трещину в мостовом узле.

Глеб схватил трубку раньше мастера.

— Испытание закончено.

— Вы увидели, что цепь снята.

— И что слово лекаря исчезло.

— Он всё равно помогает.

— Потому что я пригрозил.

Ло Вэй потребовал вернуть заряд. Его люди опустили копья.

Ли поднялась.

— Если взорвать Белый Порох в месте нового договора, он сотрёт согласие вместе с принуждением.

— Договор можно написать снова, — сказал оружейник.

— А мёртвого свидетеля?

Ло Вэй отвёл взгляд к древнему. Хэ-Ло лежал на снегу и держал повязку зубами, пока лекарь затягивал узел.

Глеб вернул трубку, но не позволил поднести её к мосту. Взамен он предложил обычный порох и людей для ремонта. Ло Вэй отказался. Он сказал, что кузница держится только потому, что Семь Клинков контролируют проход.

Данила осмотрел треснувший полоз.

— Тогда будем ночевать здесь. Утром наши сани развалятся на вашем мосту. Получится памятник переговорам.

Ло Вэй приказал отвести обоз от края. Глеб согласился поставить лагерь у столба, но людей не разоружил.

К вечеру Хэ-Ло пришёл в себя. Он признал нападение на оружейный обоз, однако объяснил, что мастера везли Белый Порох через его гнездовье. Два старых узла после первого заряда перестали удерживать склон. Камни погребли зимнее убежище его рода.

Ло Вэй назвал это несчастным случаем.

— Вы знали, что порох стирает все условия? — спросил Глеб.

— Мы знали, что он очищает узлы.

— Это не ответ.

— Разницы тогда не видели.

Ли попросила Хэ-Ло назвать обвинение для общего суда. Он согласился, если люди защитят его дорогу до слушания. Глеб не успел ответить: у дальнего склона прозвучал рожок.

На белом подъёме появились всадники. Они вели запасных коней и тянули лёгкие сани. На древках висели чёрные полосы с белым клинком. Тот же знак стоял у людей, напавших на ворота крепости.

Ло Вэй велел закрыть мост. Цепь натянули поперёк настила. Оружейники заняли бойницы кузницы.

— Они пришли за порохом, — сказал Данила.

— Откуда знают, что он здесь?

— Значит, один из ваших покупателей разговорчив, — ответил Глеб.

Ло Вэй потребовал передать ему командование. Теперь его предложение звучало почти разумно: у мастерской были стены, а обоз стоял на открытом склоне.

Глеб отказался.

— Ваши люди держат ворота. Данила держит сани. Я удержу мост.

— Без наших зарядов вы не остановите их.

— Белый Порох остановит и нас.

Нападавшие спешили за поворотом. Их командир предложил оружейникам свободный выход в обмен на весь запас. Ло Вэй ответил выстрелом. Пуля ударила в щит, после чего чёрный отряд покати к мосту две бочки.

Глеб увидел железные обручи и понял замысел. Бочки были наполнены камнем. Их хотели пустить по настилу, разбить цепь и заставить защитников применить Белый Порох возле склада.

— Уберите людей с середины! — приказал он.

Данила отвёл обоз к скале. Две последние повозки поставили поперёк дороги. Ли и Ефим унесли бумаги в каменную нишу. Хэ-Ло остался возле кузницы, хотя мог уйти после исчезновения цепи.

— Почему не летишь? — спросил Глеб.

Древний пошевелил раненым крылом.

— Потому что ваш лекарь плохо работает.

— Он согласился бы.

— Его согласие взорвали.

Первая бочка покатила по мосту. Оружейники подожгли заряд Белого Пороха, но Глеб выбил фитиль сапогом.

— Обычный заряд под опору, — сказал он Даниле.

Сотник посмотрел на пролёт.

— Обрушим дорогу.

— Только пустую часть.

Мост держался на двух каменных быках. Ближний к кузнице был цел, дальний стоял на треснувшем уступе. Между ним и вражеским берегом оставался короткий деревянный пролёт. Если убрать его, мастерская сохранит свой выход, а нападавшим придётся спускаться в ущелье.

Данила отправил двух солдат с мешком обычного пороха. Они поползли под настилом, цепляясь за поперечины. Глеб прикрывал их щитом. Стрелы стучали по доскам, одна пробила край щита и вошла ему в рукав.

Вторая бочка ударила в первую. Настил просел. Оружейники снова потребовали применить Белый Порох: заряд стёр бы условие веса, которым враги ускоряли бочки.

— Вместе с креплениями моста, — сказала Ли. — Они держатся на договорной печати кузницы.

Ло Вэй замолчал. Его оружие спасло бы пролёт от бочек и лишило бы опоры.

Солдаты Данилы закрепили мешок под дальними досками. Фитиль отсырел от инея. Один мужчина пытался зажечь его трижды.

— Долго, — сказал Данила.

Глеб снял с пояса трут, опустил на колено и пополз к краю. Ли схватила его за ремень.

— Назови цену.

— Стрела может попасть раньше огня.

— Ещё.

— Если пролёт упадёт не туда, потеряем мост полностью.

— Теперь иди.

Он добрался до поперечины, прикрыл фитиль телом и высек искру. Огонь пошёл медленно. Глеб вернулся на настил, когда первая бочка прорвала цепь.

— Назад!

Защитники отступили к кузнице. Бочки прошли середину. Внизу хлопнул заряд. Дальний пролёт поднялся, доски переломились и ушли в ущелье вместе с камнем. Передние всадники остановились у разрыва.

Одна бочка не докатилась до края и застряла между балками. Её печать продолжала тянуть вес вперёд. Весь мост дрожал.

Хэ-Ло прыгнул на настил, ухватил бочку здоровым крылом и сдвинул к провалу. Данила помог багром. Каменный груз сорвался вниз. Договорная печать моста удержала ближнюю часть.

Чёрный отряд открыл огонь через разрыв. Пули не пробивали каменные стены, а стрелять по обозу мешал угол. Нападавшие попытались спуститься в ущелье, но чёрная вода между камнями не давала перейти реку.

Командир отступил к северной дороге и обещал вернуться с людьми Безымянного полка.

— Очередь за старым спасением растёт, — сказал Данила. — Нам бы номер взять.

Оружейники не смеялись. Их кузница осталась цела благодаря заряду, который не принадлежал Семи Клинкам.

Ло Вэй согласился дать железо и мастеров. Взамен он потребовал вернуть один ящик Белого Пороха после архивного перевала или возместить его по цене трёх кузниц.

— Вы отдаёте оружие, которое считаете единственным спасением? — спросила Ли.

— Если враги вернутся, склад всё равно станет целью. Один ящик безопаснее увезти.

— Особенно под нашей охраной, — сказал Глеб.

Ло Вэй не стал спорить.

До полуночи кузнецы меняли полоз. На остальные сани поставили новые скобы. Лошади получили овёс из мастерских запасов, но Данила записал каждую меру. После истории с заставой он не брал корм без расписки.

Ящик Белого Пороха вынесли вдвоём. Воск на крышке был цел. Ло Вэй поставил печать возврата, а Данила добавил запрет: не открывать и не применять без общего решения его и Глеба.

— Почему меня? — спросил сотник.

— Ты считаешь цену лучше меня.

— Я только громче ругаюсь.

— Это помогает счёту.

Данила положил ладонь на крышку.

— Открою, если оба согласимся и Ли назовёт, что исчезнет вместе с целью.

Ли добавила своё свидетельство. Её рука дрожала, поэтому строку закончил Ефим. Печать приняла три разные роли и не назначила единого владельца. Ящик закрепили на отдельных санях, подальше от огня.

Глеб не доверял пороху, но доверил его человеку, который спорил с ним о каждой лошади. Такое несогласие было надёжнее вежливых обещаний.

Утром Данила обнаружил, что дно ящика толще стенок. Снимать крышку запрещала печать, поэтому кузнец вынул боковой штырь и освободил нижнюю доску. Запрет не сработал: доска не открывала порох.

В тайнике лежала полоска металла с приказом Чанфэна.

Ли прочитала запись дважды. Заряд предназначался не для горного узла и не для войска Ао Хэйлиня. Его следовало доставить к месту, где несколько сторон смогут создать договор без единого владельца.

Приказ требовал уничтожить это место до закрепления общей печати.

Глеб вернул полоску в тайник и закрыл дно. Чанфэн готовил Белый Порох не против старой системы. Он заранее вооружался против порядка, в котором последнее решение перестанет принадлежать одному человеку.

Глава 11. Солдаты с правом умереть

У ворот карантинной крепости стояли два котла. Из первого выдавали кашу тем, кто подписал новый приказ Безымянного полка. Во втором плавала горячая вода для отказавшихся.

Ли заметила разницу прежде, чем караульный спросил грамоты. Солдат у первого котла получил хлеб. Мужчина из соседней очереди подставил миску, но повар плеснул ему воды и велел идти к старым баракам.

— Почему пайки разные? — спросила Ли.

— Годные несут службу. Остальные живут на запасах карантина.

— Запасы закончились?

— Почти.

— А хлеб?

— Полковой.

Над воротами висело выцветшее знамя Безымянного полка. Под ним стояла дощечка с подписями. Внизу лежала печать, от которой боль в правой руке Ли поднялась до плеча.

Командир крепости Жэнь Бо встретил их во дворе. Он был молод для человека, получившего право говорить за полк, и слишком устал, чтобы этим гордиться.

— Мы ждали Митрофана Клинкова, — сказал он. — Вы пришли раньше.

— Где он?

— Ведёт людей с восточной дороги. Полк собирается добровольно.

В караульной избе Ли развернула приказ. Подписи были настоящими, но последняя часть отличалась почерком. Чанфэн не ставил имени. Он добавил условие, по которому решение живых переходило к их детям. Отдельная строка включала раненых без сознания, если они оставались в списке годных.

— Вы читали конец? — спросила Ли.

— Читал.

— Тогда знаете, что подписались за тех, кто не мог ответить.

— Крепость стоит на проходе. Через неделю сюда придут три армии. Если стену не удержат, они встретятся в деревнях.

— Это объясняет ваш выбор. За детей вы не отвечаете.

— Я отвечаю за то, чтобы у них была зима.

Глеб остался у двери. Его взгляд задержался на полке со списками пайков.

Ли потребовала опросить солдат без командира. Первым вошёл молодой стрелок Ким Юн. Он подписал приказ утром.

— Что будет, если вы откажетесь?

— Переведут в старый барак.

— Семья останется здесь?

— Жена работает у кухни. Сын лежит в лазарете.

— Они сохраняют паёк?

Стрелок сжал шапку. Он молчал несколько мгновений.

— Командир сказал, полк кормит своих.

— Значит, отказ оставит сына без еды.

— Я всё равно вышел бы на стену. Не надо делать из меня обманутого.

— Не делаю. Вы выбрали бой. Я выясняю, позволили ли вам выбрать отказ.

Ким Юн поднял голову. Вины он не искал.

— Отказа здесь нет.

Русский десятник Назар Фомин подписал приказ ради товарищей. В прошлой битве двое раненых продолжали держать проход под старым условием, а он остался смертным и ушёл со стены раньше них.

— Вы согласны служить до конца жизни? — спросила Ли.

— До конца боя.

— В документе написано иначе.

Назар прочёл нижнюю строку и выругался. Слова прозвучали тихо.

— Этого не было, когда я ставил знак.

— Было. Вы смотрели начало.

— Значит, сам виноват.

— За свою подпись — да. За будущего ребёнка — нет.

Пожилой копейщик хотел прежнюю защиту навсегда. Он считал обычное тело ненадёжным и говорил только за себя. Ли записала его решение без спора.

После него пришла лекарка. Она подписала приказ, потому что без полковой отметки ей не выдавали чистый холст.

— Вы хотите служить? — спросила Ли.

— Я хочу перевязывать людей.

— Если холст дадут без подписи?

— Сниму имя сегодня.

У двери появился Хэ Сулинь, ветеран Безымянного полка. Вместо левой ноги у него была деревянная опора. Новый приказ он не подписал.

— Отказавшихся переселили три дня назад, — сказал он. — Сначала убрали дрова. Потом лекаря. Вчера сократили пайки.

Жэнь Бо вошёл следом. Он слышал разговор.

— Запасы не бесконечны. Служащие держат стены.

— Я держал их двадцать лет, — ответил Хэ Сулинь. — Моя нога осталась на северной башне. Сегодня она, видимо, ест отдельно.

Командир поморщился. Хэ Сулинь не отвёл взгляда.

— Вы могли подписать приказ.

— Тогда это не было бы выбором.

Книгу выдачи принесли во двор. После отказа человек терял полковой паёк в тот же день. Лечение сохраняли лишь при угрозе заражения. Старый барак стоял у внешней стены, где ветер проходил между брёвнами.

— Никого не принуждали, — сказал Жэнь Бо.

— Человек может отказаться и замёрзнуть. Это принуждение без верёвки.

— Вы предлагаете кормить тех, кто не сражается?

— Я предлагаю не покупать службу голодом.

Данила вернулся от барака. На рукаве белела щепка.

— В таком помещении раненый не переживёт ночь. Разберите зал совета, он всё равно греет только споры.

Жэнь Бо почти улыбнулся, но приказ не отменил. Шутка не решила спор.

Ли раскрыла документ. Строку Чанфэна нельзя было снять обычным зачёркиванием. Если уничтожить лист, знамя восстановило бы последнюю принятую формулу. Правой рукой Ли не удержала кисть-клинок.

— Что вы хотите изменить? — спросил командир.

— Возможность отказаться без голода. Потом срок службы.

— Нападение не подождёт.

— Тогда начните с одного дня.

Хэ Сулинь предложил дать каждому право назвать предел. Жэнь Бо возразил, что приказ работает только при общей формуле.

— Значит, формула должна принять разные ответы, — сказала Ли.

— Это ослабит полк.

— Зато полк останется вашим.

Снаружи ударил рожок. Первый звук пришёл с северной башни, второй — от леса. Караул сообщил, что древние идут по замёрзшему оврагу.

Жэнь Бо поднял жетон. Печать на знамени ожила раньше его приказа. Имена подписавшихся потемнели. Солдаты во дворе повернулись к стенам.

В лазарете заскрипели нары. Раненые из списка годных начали вставать. Мужчина с перевязанным животом сорвал шов, но тело продолжало выполнять общий приказ.

Ли бросилась к нему. Правая рука не слушалась. Она попыталась разорвать наследственную строку, однако кисть выпала в снег.

— Не ломай весь приказ! — крикнул Глеб. — Стена останется без людей.

— Он поднял бессознательных.

Глеб уложил раненого обратно. Тот снова потянулся к двери, пока Хэ Сулинь не прижал к его груди старый жетон.

В северные ворота ударил каменный таран. Лесной отряд пришёл уничтожить знамя до восстановления Безымянного полка. Одна петля вышла из стены.

Жэнь Бо велел включить полную защиту. Ли закрыла жетон левой рукой.

— Сначала предел.

— Мы потеряем ворота.

— Назовите один день. Остальные ответят сами.

Командир посмотрел на раненых. Один тянулся к двери.

— Служба до завтрашнего вечернего развода. За детей не отвечаем. Бессознательных исключить.

Печать дрогнула, но не приняла изменение. Строка Чанфэна требовала голосов тех, чьи подписи использовала.

Хэ Сулинь ударил жетоном по перилам. Звук прошёл по двору.

— Полк, говорите за себя!

Назар Фомин первым назвал срок до следующего развода. Ким Юн согласился держать стену один день, если семья сохранит паёк после отказа. Лекарка выбрала службу до конца нападения и осталась в лазарете. Пожилой копейщик принял прежний приказ только для себя.

Голоса шли неровно. Часть солдат повторяла однодневную формулу. Другие снимали имена и бежали к раненым. Печать меняла строй прямо во дворе. Возле имени каждого солдата появлялся предел, названный им самим. У тех, кто отказался, полковая отметка бледнела и переставала тянуть тело к стене. Один молодой барабанщик трижды пытался произнести согласие, потом признался, что боится оставить мать без пайка. Жэнь Бо при всех велел сохранить ей еду. Лишь после этого парень выбрал караул до рассвета.

Полковой писец держал кисть над листом. Ли диктовала границы, а он записывал разные решения, не сводя их к одному сроку. Ефим поддерживал край бумаги и подтверждал каждую строку.

Приказ перестал тянуть людей с нар. Те, кто выбрал бой на день, получили прежнюю выносливость. Отказавшиеся сохранили смертность и начали выносить раненых из барака у стены. Обычная усталость вернулась к ним вместе с выбором. Один стрелок опустил ружьё, потому что обожжённая ладонь больше не держала ложу. Его заменил обозник, никогда не носивший полкового знака. Данила распределял людей по тому, что они могли сделать сейчас, а не по прежнему списку годных. Из-за этого смена двигалась медленнее, зато раненых не оставляли под ногами.

Северные ворота треснули. Данила поставил стрелков на помосте и велел целиться в ремни тарана. Первый залп ушёл выше, второй перебил левую тягу. Древние повернули к низкому участку стены.

Хэ Сулинь принял командование во дворе. Он не мог бегать, зато видел весь проход. По его приказу обозники подкатили к пролому две повозки с камнем.

— Вы не подписали службу, — сказал Жэнь Бо.

— Я выбрал закрыть дыру. Для этого вечность не нужна.

На стене древний с костяными пластинами тянулся крюком к знамени. Если ткань сорвут, солдаты потеряют возможность менять приказ вслух.

Назар перерубил древко, но наконечник распорол ему бок. Однодневное согласие давало силу держаться, однако не отнимало право попросить помощи.

— Снять меня, — выговорил он.

Два отказавшихся солдата унесли его вниз. На место встал Ким Юн.

У западного барака загорелась крыша. Люди, вышедшие из приказа, разбили лёд в бочке и передавали воду. Печать не давала им силы, но и не могла увести их со двора чужим приказом.

Таран ударил снова. Створка наклонилась внутрь. Жэнь Бо хотел продлить службу до снятия угрозы.

— Они выбрали день, — сказала Ли.

— А если бой продлится два?

— Спросите завтра.

Каменную повозку поставили поперёк проезда. Хэ Сулинь велел открыть створку на локоть. Таран вошёл в проём и застрял между колесом и косяком. Данила поджёг его маслом. Нападавшие отступили от огня.

Без общего приказа крепость держалась хуже. На низкой стене не хватило смены, и древние поднялись по лестнице. Там погибли трое солдат. Двое получили смертельные раны и не встали после падения.

Ли увидела, как лекарка опустилась рядом с молодым копейщиком. Старый приказ поднял бы его на несколько минут. Теперь мужчина остался лежать и успел назвать сестру, которой следовало отдать его долю пайка.

Лекарка держала его за руку до последнего вдоха, затем вернулась к остальным. Её руки дрожали.

К рассвету древние отступили. Северные ворота держались на повозке, одна башня выгорела. Во дворе лежали погибшие. Их было больше, чем могло быть при полном приказе.

Жэнь Бо сел на ступень. Кровь стекала с сапога.

— Старый приказ поднял бы их.

— Да, — сказала Ли.

— Они могли удержать стену.

— Могли.

— И вы считаете решение правильным?

— Я считаю недопустимым принять его за них. Потери от этого не становятся меньше.

Данила смотрел на тела. На его рукаве засохла кровь Назара.

— С вечным приказом мы потеряли бы меньше сегодня. Зато не знаем, сколько дней полк продолжал бы умирать стоя.

— Цену одного дня я вижу, — ответил Жэнь Бо.

Хэ Сулинь подошёл к нему. Деревянная опора стукнула о камень.

— Поэтому завтра спросим снова. Мёртвые не ответят за живых.

После перевязки раненых писцы внесли право на равный паёк в течение трёх дней после отказа. Старый барак передали под склад. Лечение больше не зависело от полковой отметки.

Повар вынес оба котла на середину двора и перелил остатки в один. Каша стала жиже, зато очередь больше не делилась по подписи. Ким Юн отнёс первую миску сыну и только после этого вернулся к стене. Жэнь Бо видел это и не отменил своего решения.

Наследственная строка держалась глубже остальных. Жэнь Бо, Хэ Сулинь и представители рот отозвали право говорить за детей. Лекарка вывела из списка бессознательных. Молодой писец под диктовку Ли отделил личное согласие от родовой обязанности.

Когда связь исчезла, печать не погасла. В ней остался один день службы и несколько личных решений. Правую руку Ли свело, хотя основную работу закончили другие. Повреждение не отступило, зато приказ больше не принадлежал одной руке.

Хэ Сулинь принёс копию первого листа. На обороте стояла приписка Чанфэна, оставленная для командира. Ли прочла вслух:

— «Свобода работает, пока враг согласен ждать».

Данила посмотрел на разрушенные ворота. Нападавшие действительно не ждали. Чанфэн выбрал сильную правду и использовал её как оправдание вечного приказа.

Ли сложила лист. Крепость выстояла без наследственного Мандата, но право солдат умереть не осталось отвлечённой формулой. Оно лежало во дворе рядом с теми, кто сам отказался подняться снова.

Глава 12. Список до преступления

Охранная печать пропустила Чэнь Цзыцзина потому, что не нашла человека. Белая полоса прошла от его сапог до лица, задержалась на пустом месте в официальном реестре и погасла.

Ли Шэньюэ осталась за стеной заброшенной школы. Перед ней стояли закрытые ворота, но через щель было видно, как Цзыцзин идёт по двору. Караульный даже не поднял головы.

— Удобное отсутствие, — сказала Ли.

— Пока не понадобится выйти с чужой вещью, — ответил он, не оборачиваясь.

Связной печатью они не пользовались: любой действующий знак мог выдать постороннее условие.

Школа опустела лишь на бумаге. В классах горели жаровни, а писцы готовили приказы для военных застав.

Знак допуска пропускал служителей Ордена и не замечал людей без имени в реестре. Цзыцзин оказался для него пустым местом между записями.

Ли ждала у стены в плаще городской торговки. Правую руку она держала в муфте. Строка срока жгла ладонь слабее, чем возле старых узлов, зато холод усиливал тремор.

Цзыцзин вошёл в бывший зал наказаний. Писцы переносили донесения на чёрные дощечки, а молодой чиновник раскладывал их по датам.

В заголовке стояло: «Лица, способные нарушить единство приказа». Рядом указывали день предполагаемого отказа от новой печати.

Цзыцзин встал у печи. Служители замечали движение, но охранные знаки не подтверждали постороннего, и взгляды возвращались к работе.

Чиновник взял новую дощечку.

— Степная переписчица у северной дороги. Вероятность отказа высокая.

— Основание? — спросил старший писец.

— Размножает договоры без разрешения владельца печати.

— Она знает о будущем договоре?

— Пока нет.

— Тогда за что ставить в первый порядок?

Чиновник постучал ногтем по полю расчёта.

— Когда узнает, сможет сделать копии быстрее, чем их изымут.

Старший писец поместил дощечку в левый ящик. На крышке была выжжена дата казни.

Через щель Ли увидела две части правила: список существует, людей выбирают до поступка.

Она обошла стену и добралась до бывшего склада. Там её ждала Чэнь Мэй, младшая переписчица прежнего Трибунала. Женщина принесла корзину с пустыми конвертами и три мотка почтового шнура.

— Он вошёл? — спросила Мэй.

— Печать его не увидела.

— Значит, обратно не выпустит с документом.

— Поэтому он ищет способ расчёта.

Мэй поправила корзину.

— Доска тоже вещь.

— Мы знаем.

— Тогда зачем послали человека, который не может ею владеть?

Ли посмотрела на закрытую дверь склада.

— Потому что человек с признанным именем не прошёл бы ворота.

— Прекрасный порядок. Один может войти без права вынести. Другая может вынести, но не войти.

— Для этого нас трое.

Мэй проверила узлы на почтовом шнуре. Один распустился от сырости; она перевязала его и спрятала концы под плетение. Письмо без крепкого узла теряло право на сменную лошадь раньше, чем доходило до заставы.

Она не улыбнулась.

— Пока двое спорят, третий обычно попадает в список.

За ширмой составляли порядок расчёта. На доске обычным поступкам давали вес. Особенно опасным считали умение собрать свидетелей без единого учреждения.

Система искала почтовых хозяев с частными связками, врачей без ведомственной очереди и военных, разрешавших хранить копии приказов. Их считали будущими точками распада.

Один из составителей ошибся в сумме. Молодой чиновник исправил цифру и перенёс имя из третьего порядка во второй.

— Он ничего не сделал, — заметил писец.

— Пока.

— Расчёт меняется от одной записи.

— Значит, казнить следует раньше.

Цзыцзин запомнил лицо чиновника. Тот носил обычную военную печать, но на внутренней стороне рукава чернел знак Чанфэна. Формула не предсказывала преступление. Она искала людей, которые однажды могли отказать единому владельцу.

На доске было больше сорока имён. Цзыцзин запоминал первый порядок и маршруты палачей.

Дошечку держали в железной рамке. После вечерней проверки её должны были отправить на архивную улицу вместе с маршрутами трёх отрядов.

Цзыцзин дождался смены писцов. Когда жаровню понесли к двери, он снял доску с крюка и поставил вместо неё старую учебную таблицу. Подмена продержалась бы недолго, но ему требовалось несколько минут.

У выхода белая полоса обвила доску и потребовала имя владельца. Цзыцзин не мог его дать, и первые строки исчезли.

Он прижал доску к груди и пошёл быстрее. Чем ближе были ворота, тем сильнее знак стирал запись. Исчезла дата. Затем пропали два названия областей.

У караульного зашевелился колокольчик. Он поднял голову, увидел доску, которая двигалась сама, и схватился за копье.

— Кто несёт имущество?

Цзыцзин не ответил. Для печати ответ без имени не имел силы.

Он бросил пустой футляр к конюшне. Колокольчик последовал за признанной вещью, а Цзыцзин ушёл к боковому проходу.

В этот момент одна из переписчиц заметила подмену. Во дворе ударили в гонг.

Ли услышала сигнал и открыла дверь склада.

— Рано, — сказала Мэй.

— Он выходит.

— Откуда?

— Сейчас узнаем.

Цзыцзин появился у стены возле водостока. Доска в его руках побелела наполовину. Он не мог передать её через ворота: любая попытка присвоить документ другому владельцу активировала бы печать сильнее.

Ли просунула левую руку в щель.

— Диктуйте.

— Сначала порядок расчёта.

Он называл признаки. Ли повторяла, а Мэй записывала на отдельных листах. Они не переносили саму таблицу целиком. Каждое правило уходило в новый конверт, чтобы один захваченный лист не уничтожил остальные.

Из школы выбежали стражники.

— Быстрее, — сказала Мэй.

— Быстрее будет неверно, — ответил Цзыцзин.

— Неверного человека всё равно казнят.

— Поэтому пишите точно.

Он назвал первый маршрут палачей. Отряд должен был выйти по архивной улице и делиться у старой почты. Ли поняла, что обычной дорогой предупредить всех не успеют.

— Имена, — сказала она.

Цзыцзин перечислял тех, кого успел запомнить. Мэй ставила каждое имя на отдельный лист и добавляла место, где человека следовало искать.

Стражники дошли до водостока. Охранная печать не показывала им Цзыцзина, но они видели следы и доску, которая продолжала стираться.

Один солдат ударил копьём через щель. Цзыцзин отступил. Наконечник распорол рукав.

— Отдайте имущество школы! — крикнул старший.

— Школа закрыта, — ответила Ли снаружи.

— Приказ действует.

— Тогда покажите владельца.

Солдат не смог. На воротах стояли три разные печати, и каждая считала школу своей. Спор задержал стражу на несколько мгновений.

Цзыцзин закончил диктовать первый порядок. На доске сохранились только нижние строки маршрутов. Он повернул её и увидел знак вечерней отправки.

— Палачи получают новые дороги в архивной канцелярии, — сказал он. — Подмена здесь их не остановит.

Мэй подняла почтовые связки.

— Остановим письмами.

— Частные печати не признают приказ об аресте, — сказала Ли. — Но предупредят раньше официальных гонцов.

Мэй писала каждому одно действие: сменить ночлег, уйти с привычной дороги или прийти к свидетелю. У охранной печати не возникало единой цели.

Стражники принесли топор. Доска в руках Цзыцзина почти очистилась.

— Отойдите от щели, — сказала Ли.

— Осталось имя из второго порядка.

— Запомнили?

— Да.

— Тогда оставляйте доску.

Цзыцзин хотел вынести доказательство. Без доски доказательством оставались лишь память и слово человека, которого официально не существовало.

— Цзыцзин.

Он поднял взгляд.

— Я слышу.

— Вы не сможете доказать всё сегодня. Выходите.

Он поставил доску у водостока. Печать вернула ей знак школы. Стражники увидели вещь и бросились к ней. В этот миг Цзыцзин перелез через низкую часть стены, где старые кирпичи разошлись от сырости.

Ли поймала его за плечо. Он приземлился тяжело, но удержался на ногах.

— Рука? — спросила она.

— Моя на месте. Ваша?

— Тоже. Значит, можем бежать.

Мэй повела их через задний двор к архивной улице. За ними ударил второй гонг. Теперь стража знала, что Цзыцзин жив, хотя охранные знаки всё ещё не могли закрепить его имя.

Архивная улица начиналась у старой башни. Частные почтовые лавки стояли напротив государственной канцелярии.

Мэй вошла в первую лавку и отдала два письма. Хозяин поставил личную печать на шнур. Она подтверждала только обязанность доставить конверт и не спрашивала, одобряет ли содержание власть.

— Когда уйдёт? — спросила Ли.

— Северная связка через четверть часа. Восточная — после смены лошадей.

— Слишком поздно.

— Государственные гонцы тоже меняют коней.

Цзыцзин вспомнил маршрут палачей. Их приказ готовили у второй арки. Если изменить дорожный столб, отряд уйдёт к старой переправе и потеряет ночь.

Они дошли до арки раньше стражи. На стене висели три дощечки направлений. Мэй сняла ту, что вела к почтовому двору, и заменила табличкой заброшенной заставы.

— Печать заметит подмену, — сказала Ли.

— После первого всадника.

— Откуда у вас табличка?

— От заставы.

— Почему она у вас?

— Я готовилась не спасать всех, а однажды помочь одному письму.

Первый отряд палачей вышел из канцелярии. Шестеро всадников получили запечатанный список. Старший сверил направление с аркой и повернул к старой переправе. Дорожный знак принял первую команду и закрепил ошибку до следующего пересмотра.

— Теперь остальные тоже пойдут туда? — спросил Цзыцзин.

— Пока чиновник не заметит, что его люди едут в болото, — ответила Мэй.

— Зимой там лёд.

— Значит, утонут не все. Я не готовая спасительница.

Они успели отправить девять писем. На десятом конверте государственный знак закрыл почтовую лавку. Стража распространяла приказ о розыске неизвестного похитителя.

Имя Цзыцзина в приказе отсутствовало. Вместо него стояло: «неучтённое лицо мужского пола». Формулировка позволяла задержать любого без дорожной отметки.

— Они быстро учатся, — сказал он.

— Вы их учили, — ответила Ли.

Хозяин лавки спрятал письма под подкладку седла и потребовал двойную плату. Мэй отдала серебряную застёжку.

— Она принадлежала Трибуналу, — заметила Ли.

— Теперь принадлежит почте.

Официальный архив они покинули через двор красильщика. Цзыцзин шёл последним. Отсутствие имени больше не защищало остальных: стража искала пустое место и задерживала тех, кто мог его закрыть.

В убежище над мастерской Мэй разложила копии. Три имени она размножила по четыре раза, остальные существовали в одном письме.

— Если гонца перехватят, человек ничего не узнает, — сказала она.

— Но список не исчезнет целиком, — ответил Цзыцзин.

Он записал по памяти порядок расчёта. Ли отмечала места, где возможность отказа превращали в будущую вину. Система принимала вероятность за приговор ради единого приказа.

Мэй перечитала признаки. Люди в списке не знали друг друга; опасными их считали из-за способности стать свидетелями без общего владельца. Значит, новый договор нельзя было собирать приказом.

Цзыцзин перевернул последний лист. Он долго молчал, затем написал имя, сохранённое из второго порядка.

— Данила Рубежный.

Ли перечитала строку.

— Основание?

— Позволяет обычным писцам хранить копии военных решений. Передаёт опасные ресурсы под совместный запрет. Отказывается признавать одну печать последним судьёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.